

Олег Курзаков

ОТЕЦ ПАФНУТИЙ

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ «АХИЛЛЫ»	2
БОЖИЙ ДОМ ДЛЯ УТОЧКИ	2
ПЕПЕЛИЩЕ ВЕРЫ И ТОЧКА РОСЫ.....	5
ЖЕНСКАЯ ГРУДЬ И ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ.....	9
ХОЖДЕНИЕ В ШКОЛУ.....	11
ЭТОТ МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ ЛОПНЕТ С УЖАСНЫМ ТРЕСКОМ.....	14
К СВОБОДНОЙ ПОЛЕМИЧНОСТИ БОЛЬШИНСТВО СВЯЩЕННИКОВ И МИРЯН НЕ ГОТОВЫ	24
ПОДАЙТЕ, ВЛАДЫКА, ХРИСТА РАДИ, ГЛОТОК МИЛОСЕРДИЯ И КРАЮШКУ ПРАВДЫ!	28
ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ АРХИЕРЕЕВ И БЛАГОЧИННЫХ «КАК РАСТОПТАТЬ ЗАРВАВШЕГОСЯ ПОПА»	31
ПРЕДАННЫЕ И ОБМАНУТЫЕ	36
О ПРИЧИНАХ МОЕГО УХОДА ИЗ КЛИРА КРАСНОЯРСКОЙ ЕПАРХИИ И СЛОЖЕНИИ ССВЯЩЕННОГО САНА	37
ОТЕЦ ПАФНУТИЙ СНИМАЕТ МАСКУ	45
ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ СВЯЗЫВАЕТ ВСЕХ КРУГОВОЙ ПОРУКОЙ.....	50
ЕПИСКОП ПИТИРИМ (ТВОРОГОВ) — ОЛЕГУ КУРЗАКОВУ: «МАЛО ТЕБЕ БЫЛО СМЕРТИ СЫНА? ДАЛЬШЕ ПОШЕЛ?»	50
САГА О СТАРОМ ПОДРЯСНИКЕ	54
ВАШИ ПАНАГИИ НЕ УТЯНУТ ЛИ ВАС В БЕЗДНУ?	56
ПРАВСОМОЛ У КРАСНЫХ СТЯГОВ	63
ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ ЭТОГО МИРА.....	65
ЦЕРКОВЬ VS ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВСТРЕЧА-КАТАСТРОФА	66
Я/МЫ АКАДЕМИЯ?	70
НАДО ЖИТЬ, НАДЕЯТЬСЯ, НЕ БОЯТЬСЯ НОВОГО И ОСТАВАТЬСЯ ВЕРНЫМ БОГУ.....	73
СОБЛАЗНЫ СВЯЩЕННИКА: ПОЧЕМУ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДУХОВЕНСТВА МЕЛЬКАЮТ В СКАНДАЛАХ	79
ЦЕРКОВЬ БОЯЩИХСЯ.....	83
НЕМАЯ ЦЕРКОВЬ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА.....	87
ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ В РПЦ ОТОРВАЛАСЬ ОТ НАРОДА.....	91
ЛИШНИЕ ЛЮДИ ЦЕРКВИ	94

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ «АХИЛЛЫ»

Мы решили собрать воедино все тексты (с марта 2017-го по сентябрь 2020-го) одного из наших лучших авторов — Олега Курзакова.

Первое время Олег писал для нас под псевдонимом «отец Пафнутий» — он служил сельским священником в Красноярской епархии, поэтому, разумеется, не мог писать открыто, тем более те честные и резкие слова, которые были во многом квинтэссенцией мыслей многих сельских (да и не только сельских) священнослужителей.

Но потом Олег принял решение уйти из священства (почему — об этом вы узнаете, прочитав эту книгу полностью) — и стал писать уже под своим именем.

Сейчас автор живет как христианин-мирянин, работает преподавателем.

БОЖИЙ ДОМ ДЛЯ УТОЧКИ

Думаю: сколько же нас, пусть анонимных, но всем существом внутри несогласных с установившимися полубандитскими порядками в церковной жизни? Пишу я это именно потому, что хочу когда-нибудь писать неанонимно, открыто. Не думаю, что в нижеследующем тексте есть что-то крамольное, но зная своего архиерея, я так же знаю, что как священника меня не будет (а мне все-таки хотелось бы успеть, будучи священником, сделать что-то нужное для людей и Церкви). Так писать для меня унижительно, но пусть в этом меня не обвиняют братья, которым почему-то неунижительно на епархиальных собраниях голосовать единогласно всегда «за».

Я, наверное, не герой веры, у меня семья, дети. Но уйти добровольно из Церкви и не мутить воду, как часто предлагают, я не хочу. Пока есть силы и возможность, я хочу бороться не против Церкви, а за Церковь — такую, какой Ее задумал Христос, положив в основание любовь и правду. Так что пусть я пока побуду «отцом Пафнутием».

Одной из самых больших тайн нашей церковной жизни являются финансы Церкви. Я штатный священник, но и я не знаю ежемесячную сумму доходов и расходов на своем приходе. Ее знает только один человек — настоятель (даже бухгалтер не посвящен во все доходно-расходные статьи).

Круг доходов штатного священника довольно ясен: еще изволят настоятель. Как правило, это сумма в конверте, чаще всего недостаточная для содержания семьи. Что-то идет с панихидного стола в виде продуктов, что-то перепадает от прихожан, которым ты приглянулся, и которые украдкой от настоятеля суют в карман 100-200-500 рублей или с треб. (Чаще всего требы идут через церковную лавку, и штатный просто совершает требы, но в отдельных случаях что-то дают и ему лично.) Когда я только начинал свое служение, я категорически отказывался от подобного вида благодарности, казавшейся мне чем-то неприличным. Пока однажды очень старая и мудрая прихожанка мне на очередной отказ не сказала: «Ну что вы как девушка ломаетесь. Все всегда брали. Настоятелю свой джип заправить хватит, а вам семью содержать надо».

Итак, настоятель — хранитель этой тайны. Сколько он оставляет себе и сколько отчисляет в епархию через разные поборы и конвертики к приезду на приход епископа, никто не знает. С приходов начинаются финансовые ручейки, сливающиеся в речку в епархии, которая уж вливается в общую реку, щедро несущую свои бумажно-хрустящие потоки в патриархию. Бежит эта река только в одном направлении (никакого круговорота денег в РПЦ нет, в отличие от природы или даже светского государства, чтобы денежный дождь мог пролиться или хотя бы покропить над иссохшей финансовой пустыней прихода — деньги текут только снизу вверх).

Доступ в Церкви к этой реке жизни имеет небольшой круг людей (как правило, настоятель у истока, епископ и его ближайшее окружение — у устья). Естественно, что ни настоятель перед приходом, ни епископ перед епархией никогда публично не отчитываются даже в форме какой-нибудь туфты. При этом любимым делом является вечное нытье про огромные церковные расходы, что часто является лукавством. Обычно, все, несущие послушания на приходе, убеждаются в душеспасительности делать это бесплатно, во славу Божию. Что-то может платиться регенту, бухгалтеру, лавочнице, сторожу, но по самому минимуму. Коммунальные платежи или оплачиваются каким-нибудь отдельным спонсором, или же, что чаще всего, администрацией города. (Ради справедливости надо сказать, что приходы в сельской местности часто лишены такой возможности, и просто бедствуют.)

Главные расходы на приходе не в этом. Периодически настоятель должен выполнять план (который постоянно растет) по приобретению товара на епархиальном складе. Но даже при желании честный и ревностный настоятель не может создать бюджет прихода на подлинно полезные нужды,

не может вложить деньги в его развитие: свободных денег практически не остается, так как приезды епископа или взносы на день ангела Ангела Света, епархиальную газету, содержание епархиального управления и прочее делают такую дыру в финансах, которую приходится закрывать в ближайшие месяцы, а там опять новый приезд.

В епархии тоже обычно нет значимых проектов, требующих финансовых вложений. Если же есть, то опять же — помощь оказывают или спонсоры, или городская администрация. Естественно, что такая великолепная закрытая финансовая система крайне благоприятна для церковной коррупции. Это, можно сказать, подлинный коррупционный рай, потому что не надо бояться даже проверок правоохранительных органов, а основная часть денег идет без всякой официальной отчетности.

Настоятель не может не давать епископу конвертики, так как иначе он перестанет быть настоятелем. При всем этом священноначалие неустанно любит говорить, что епископ или священник — это отец, и прихожане должны к нему относиться как члены семьи. Хороша же семья, в которой отец собирает с домочадцев все деньги, а потом втайне единолично ими распоряжается, не доверяя никому. И как-то забывается верующими, что деньги-то эти не священнические или епископские, а общецерковные, и народ Божий не просто имеет право, а должен их контролировать и распоряжаться как общецерковным достоянием на подлинные нужды Церкви.

Светский лозунг «Коррупция ворует будущее» имеет самое прямое отношение к церковной жизни. Потому что церковная коррупция ворует ее будущее. Все эти коллекции митр, панагий с драгоценными камнями, архиерейский образ жизни, приобретенная собственность, личные машины или заграничный отдых, расточительность — это неустроенные специалисты в воскресные школы, незакупленная литература, неосуществленные социальные, просветительские, миссионерские проекты, это убогая приходская жизнь, где никакой помощи не оказывается своим же прихожанам, оказавшимся в трудной ситуации. За этот обман с распоряжением деньгами приходится платить еще и составом прихожан, из которого исключаются те работающие и самостоятельные мужики, которые понимают это и не хотят в нем участвовать.

И в итоге мы остаемся с тетушками и бабушками на финансово-обескровленных приходах, у которых нет никаких перспектив развития, а есть вполне реальная угроза в будущем оказаться на обочине общественной

жизни с уже никому не интересными двенадцатыми праздниками, вербочками, коливом, просфорами и сухариками от преподобного Серафима. С пустыми храмами. Епископам не стоит бояться внутрицерковных выступлений молодежи, потому что и молодежи нет. А с церковных бабушек какой спрос?

ПЕПЕЛИЩЕ ВЕРЫ И ТОЧКА РОСЫ

28 мая 2017 г., освящая собор в Бишкеке, патриарх Кирилл в проповеди, в частности, сказал, обращаясь к местному епископу: «Не может быть у священника никакой усталости от службы, никакого выгорания. А если кто-то устает и выгорает, Вы таких приглашайте к себе и давайте им в два раза больше обязанностей. Тогда всякое выгорание проходит, и снова появится энтузиазм».

За последние годы было написано немало статей про выгорание священников и простых мирян, тема уже кажется заезженной. Но я не пишу исследования, а свидетельствую о своем личном опыте. Для меня важно, совпадает ли он с опытом людей, прошедших тем же путем от восторженного неопитства до ощущения непроходящего болезненного ожога всей твоей души. Есть немало статей на православных сайтах, где бесконечно ломаются по этому поводу копья и выясняются причины: то ли священник Богу не так молится, то ли прихожан не так любит, но негласно подразумевается, что именно в нем есть какой-то изъян, гнильца, которая в конце и портит все.

Первое, что бросается в глаза — так называемое «выгорание» почему-то касается людей, у которых отношение к вере и жизни по ней самое серьезное, а обряд считается делом десятым. Ведь очевидно, что только за этим и должен приходить человек в Церковь — за жизнью во Христе. Есть слова Христа — и есть реальность. И второе должно как-то согласовываться с первым. Иначе какой в этом всем смысл?

Как правило, «выгоревшие» — это люди думающие, с пытливым умом. И, наоборот, мне еще не доводилось встречать среди успешных розовощеких настоятелей и благочинных людей, которые бы вот так «выгорели». Все плывет такому успешному «духовному менеджеру» в руки: должности, награды, деньги, он весь в делах и стройках, вот уже у него новая машина и коттедж за городом, но ведь не «выгорает», а еще больше пышет здоровьем.

На службе, умиленно крестясь на раззолоченный иконостас пухленькой ручкой, он искренне благостно вздыхает: «Слава Те, Госпади!» И это различие мне кажется неслучайным.

Я шесть лет в сане. Принимая священство, реальной церковной жизни я не знал: после армии крестился и почти сразу поступил в семинарию. Что я знал о священстве? Ну, что это служение выше ангельского, что это великий крест, что Господь призывает только избранных и прочие красоты, не имеющие к реальности никакого отношения. Мне правда хотелось служить. Но не богослужение совершать, а служить Богу, людям, помогать им менять свою жизнь, становиться другими. Я искренне сам хотел стать другим.

Прочитанное Евангелие меня потрясло. Вот оно, Слово жизни! Христианская этика, философия, культура накрыли меня огромной лазоревой волной, которая невесомо несла меня куда-то вверх.

И вот, свершилось! Я – священник! Матушка в слезах счастья. Секретарь епархии вручает указ, владыка отечески наставляет на священническое служение: «Будь образом Христа, несущего свой крест! Не жалея себя, трудись во славу Божию!» Я штатный священник, мы едем в провинциальный городок — служить в собор.

Первые месяцы я не чувствовал усталости от служб и треб. Я говорил вдохновенные проповеди, перед началом крещения огласительное слово могло длиться до часу, перед гробом отпеваемого у меня самого наворачивались слезы, когда я говорил о суетности жизни и о любви Христа. Освящая квартиру, я искренне желал домочадцам жить в мире и согласии, ведь они – малая Церковь!

Все началось с треб. Не то чтобы мое неофитское рвение стало заканчиваться. На одном отпевании я мог сказать проникновенную речь, найти искренние слова, на втором... Но к пятому за день отпеванию, после частых диких сцен с пьяными родственниками и махровым язычеством я начинал ощущать внутреннюю щемящую пустоту. Я пытался прогнать это чувство, думая, что это привыкание, что надо бороться с формализмом, возгревать в себе прежнее рвение, молиться, чего бы тебе это ни стоило! Даже если за спиной слышишь, как блюет перепивший родственник, а его знакомый рассказывает похабный анекдот, а сам усопший вроде как и умер с перепоем.

День за днем. Крещения тоже приносили все меньше радости. В некоторые дни я крестил по 20-30 человек. Но больше я их не видел. «Вы теперь чада Церкви, вы родились в новую жизнь!» — и в ответ я видел скучающие лица,

досадливое переминание с ноги на ногу, мол, давай-ка, поп, побыстрее кончай свою шарманку, деньги уплочены!

Долгое вечернее богослужение, землистого цвета лица бабушек-прихожанок, невнятные возгласы священника из-за глухого иконостаса, унылый закопченный собор, больше похожий на огромный склеп. Плохо поющий клирос из таких же бабушек на всedневном богослужении. Записки, пачки записок, от которых рябит в глазах, тазы просфор, которые ты ковыряешь два часа кряду, на исповеди долгая очередь.

Я пытаюсь поговорить с каждым, все одно и то же. Через неделю те же бабушки и тетушки пересказывают те же проблемы, называют те же грехи, так же тупят те, кто в первый раз: «Да вроде как ничего такого я и не сделал, даже не знаю...» Месяц, второй, третий. Через год я уже испытываю облегчение, когда «профессиональный верующий» скороговоркой произносит грехи, и я читаю разрешительную молитву. Следующий...

Второй год, третий, четвертый... Дни мелькают привычной чередой. Как-то освящая таз с коливом после невозможно длинной великопостной службы, я вдруг почти физически ощутил острым лучом пронзающую меня мысль: «Зачем я это делаю? Какой смысл в этом освящении колива и какое это имеет отношение ко Христу?» И далее уже, куда бы я ни шел и что бы ни делал, за мной растущей легкой тенью следовала эта мысль: «Какой смысл в этом крещении и отпевании людей, не верящих в Бога, не ищущих Царства Небесного и его правды, преподании им Таинств, освящении квартир, которые их жильцами по-язычески понимаются как «энергетические чистки»? И для всех этих людей – я просто шаман, раздающий «благодать» и умеющий договариваться с Божеством. Какой смысл в этих долгих богослужениях на полупонятном языке и обрядах, если они не меняют никак людей, которые уже по 20 лет ходят в храм? Неужели это христианство? А вся моя священническая жизнь, все мое служение до конца дней – это бесконечное махание кадиллом на конвейере треб и богослужений?..»

Познание реалий приходской жизни и внутрицерковных отношений оптимизма тоже не добавляли. Прошло еще несколько лет, внутренне они были очень трудными. Пришлось многое осмыслить. Были и дни черной тоски, и ужасающей усталости, когда, казалось, все твое тело болит и все валится из рук. Нежелание что-то вообще делать, апатия от бесполезной траты времени, здоровья и сил на бессмысленные вещи. Эти годы во мне сгорал, обжигая душу, весь этот чертополох благочестивых глупостей и

предрассудков, навязанной церковной лжи, которые никакого отношения к Евангелию не имели.

А потом будто наступила точка росы, и весь этот туман мыслей и блужданий исчез, обретя конкретное выражение. Осталось пепелище прежних иллюзий, но под ним сохранилась вера. «Я христианства пью холодный горный воздух!» — мог бы я повторить вслед за Мандельштамом.

«Выгорание», если под ним понимать «дохождение» до сути, а не просто раскатанность и измочаленность непосильным объемом служения годами без передыха — это скорее хорошо (что вовсе не снимает ответственности и с прихожан, и со священноначалия, взирающих на священника как на вещь, которой надо пользоваться до тех пор, пока она не сломается). Это обретение зрелой и зрячей веры, которая может разделять истину и ложь, может видеть заблуждение, подмену и прелесть, а то и прямой обман. Когда в тебе сгорает весь этот мусор псевдоцерковности, упование на спасительность обряда, магическое преклонение перед «святыньками», фарисейское лицемерие. Приходит осознание противоестественности того, что ты делаешь: извращаешь священническое служение, поставляя его на службу язычникам. Противоестественно шаманствовать перед престолом и успешно конвертировать это в личное благосостояние, противоестественно покрывать сусальным золотом кучу человеческого дерьма, наложенного в церкви и выдавать его за евангельское учение. Плохо, когда этот пожар «выгорания» вовремя не останавливается от слишком многих обид и унижений, несправедливости, жестокости церковной системы, проехавшей по твоей судьбе кромсающим и давящим колесом, и начинает полыхать черным пламенем ненависти и отчаянья.

Конечно, от такого вывода основная проблема для меня и других священников, прошедших этим путем, не решается: ты все равно должен крестить и отпевать, быть частью церковной системы, осуществлять ее функции. Через тебя все равно проходят ее яды. Как не отравиться лицемерием, в котором ты вынужден участвовать? Я не знаю. Я служу сейчас на дальнем приходе один, сам себе хозяин, и все это воспринимаю как золотоордынскую дань, кроме которой у меня все-таки есть пространство личной жизни, близкие мне верующие, одного образа мыслей и жизни со мной, небезуспешные попытки значительно уменьшить размеры этой дани.

Сейчас у меня есть обретенное внутреннее спокойствие, простая и ясная вера во Христа Спасителя. Можно хотя бы не лгать в словах и поступках прихожанам, не поддакивать угодливо благочинному и подобострастно не

суетиться перед приехавшим митрополитом. Можно, если уж не быть святым, то хотя бы просто оставаться человеком.

ЖЕНСКАЯ ГРУДЬ И ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ

Прочел много ехидных, возмущенных и просто забавных комментариев по теме возможности грудного кормления в храме, которая ни с того ни с сего, казалось бы, являясь по содержанию далеко не первостепенной, вдруг вышла в топ обсуждения у православных пользователей Фейсбука. (Сам бы я никогда и не стал писать об этой теме, но в ней есть ряд очень важных и показательных моментов, о которых стоит поговорить.)

Казалось бы, мелочь, которая может быть решена частным образом совсем просто, но, как и через все подобные мелочи, сразу вскрывается все ужасающее отношение к человеку в современной церковной системе, вся та нелюбовь и равнодушие к его нуждам, которые прикрываются елейным благочестием. Отсутствие пандусов, раздевалок, достаточного количества лавочек, вежливого общения, детских площадок на территории, непонятный богослужебный язык и т.д. и т.п... Главное же, чтобы все сияло и сверкало, ведь мы служим Богу.

Еще, конечно же, в этой теме есть тот подтекст, который вызывает особый интерес у православных: обнаженная грудь, которую в храме кто-то может увидеть. Все темы, так или иначе связанные с интимностью и сексуальностью, сегодня по количеству комментариев у православных сразу оказываются в топе. История эта сама по себе очень давняя, еще со времен приснопамятных ЖЖ и ВКонтакте, где в сообществах каких-нибудь «Православных матушек» велись бесчисленные холивары по поводу косметики, длины юбок, штанов, месячных и, о Боже, секса, которого вроде как у нас не должно быть.

Отношение к сексуальности в Церкви традиционно негативное во всех ее проявлениях. Бесчисленные суровые бородачи из века в век, не имея ни семьи, ни детей, грозно вещали тем, у кого они есть, о том, что все должно быть исключительно для продолжения рода, а все остальное есть сладострастие. Православные ревнители обязательно в этом случае приведут какую-нибудь такую цитатку из Златоуста о женской красоте: «Увидев рубище с мокротами или харкотинами, или чем другим подобным, ты не решишься и краем пальцев дотронуться до него или даже и смотреть не захочешь, а к складам и житницам этих нечистот страстно стремишься? Тот, кто любит тело и питает страсть к красивой девице, если желает узнать

безобразие сущности, может узнать ее по самому внешнему виду. В самом деле, многие сверстницы любимой, и часто даже еще более красивые, умирая, чрез день или два издают зловоние и представляют червивый гной и сукровицу».

Но подобное отношение противоестественно для человека, рождая в нем комплексы и фобии, которые в итоге начинают разрушать семью, если она у него есть, или не дает построить нормальных отношений для создания семьи. (Мне лично все же ближе цитата из Экклезиаста: «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем».)

Повторять сказанное в этих бесчисленных холиварах не имеет смысла, но эта озабоченность, мне кажется, упирается в неумении многих православных быть внутренне свободными. Авторитеты, цитаты, старцы, традиции, устав, но не Евангелие, не живой Христос, не учительство Духа, извещающего наше сердце о чистом и греховном. В свое время обо всем этом великолепно писал В.В. Розанов, возмущавшийся всем этим изуверством в православии, сильно пахнущим ересью гностицизма. И да, это диагноз нам. После стольких лет рассуждений о духовности, хождений в храм на исповедь и причастие православный человек не может устоять не просто перед женской грудью, но перед видом мельком груди матери, из которой ест ее младенец. Если в ком-то это может вызвать смущение, сомнение, соблазн, то это или извращенец, или изувер, для которого позолота иконостаса святее и важнее этой православной женщины. И то, и другое, к сожалению, подспудно есть в православной жизни — и просто является показателем нашего уровня. Никуда дальше обрядоверия мы не ушли и не приблизились к живому Христу.

Следующее, о чем бы хотелось сказать — о том, что это вообще уровень современной православной жизни. Куда более значимые вопросы устройства приходской жизни, христианского служения, церковного управления, живого участия прихожан в решении церковных вопросов не занимают головы основной массы прихожан. А все те же вопросы времен Аввакума Петровича. Как креститься, как одеваться, как часто причащаться и т.д. Эта игра в своей родной песочнице в куличики и спор про то, у кого эти куличики правильные, а у кого нет. В то время, когда уже становятся слышны дальние раскаты грома грядущей грозы над страной, когда приближаются перемены, которые, возможно, просто сметут эту песочницу. Все, что за рамками этой песочницы — враждебный мир, которым не стоит

интересоваться. Или же, для другой части, это совершенно противоположное состояние: когда у большинства ходящих в храм вся жизнь устроена как раз по мирским лекалам, а церковь для них – вот это: платки, штаны, месячные. В том, и другом случае во всем этом нет места Христу и Его Церкви как Телу, в которое мы все должны быть собраны одним духом, одной любовью, одной новой жизнью.

Таково качество современного церковного сознания, тяготеющего к сектантской закрытости, неспособного преодолеть самый элементарный уровень отношений с Богом. Это тот самый «оральный» уровень веры, на котором главное — поцеловать мощи или чудотворную икону, съесть или выпить какую-нибудь святыньку, о котором в свое время сказал о. Андрей Кураев. Когда, не к ночи будь помянут, о. Всеволод Чаплин пытался по поручению «Народного собора» навязать обществу дискуссию о юбках и тем самым задать свою повестку, которая бы отвлекла внимание светского общества от церковных проблем, то это ничего, кроме дружного возмущения и ехидства в ответ не вызвало. С тех пор бесконечные истории с мощами, крестными ходами уже не воспринимаются иначе, как попытка искусственно удержать верующих на этом уровне, снять на самом деле настоящую актуальную повестку обсуждения, которая касается непосредственно как самой церковной власти, так и всей системы церковных отношений, поддерживаемой и укрепляемой ею.

И это не может не удручать. Со всем этим никому не нужным скарбом средневековых представлений, традиций как с огромным баулом старушачьего, плохо пахнущего тряпья мы топчемся на одном месте, провожая поезд будущего и удивляясь, почему нас в него не берут. Современная молодежь не будет это обсуждать и не придет к нам с такими вопросами. Общество, пусть медленно, но развивается, уходит вперед. Пусть медленно, но появляется осознание ценности отдельно взятой личности простого человека, которому должно служить и государство, и Церковь: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих».

ХОЖДЕНИЕ В ШКОЛУ

«Преподавать религию в российских школах должны священники, считают в Русской церкви», — такая вот новость в очередной раз взбудоражила умы всего прогрессивного человечества. Автор этой идеи – митрополит Иларион (Алфеев), — главный дежурный по образовательным проектам в РПЦ с

начала понтификата Кирилла. Вообще, подобные заявления следует воспринимать как очередную угрозу какого-нибудь Пхеньяна «нанести сокрушительный и беспощадный удар возмездия». Верится уже не сильно, но беспокойство остается: а мало ли?

Первыми, конечно, кто поперхнулся от этой новости, были бы сами священники. (Основная часть, конечно, понимает, что это очередной медийный «свистеж», призванный привлечь внимание к данной теме, не имеющей никаких реальных перспектив.) Большинству священников, не располагающих не то что педагогическим образованием, а просто хорошим светским, равно как и религиозным, преподавание в школе улыбается не более, чем Хоме Бруту панночка в гробу «у белых тапочках».

Как это бывает в реальности, представить не сложно. Батюшка по послушанию приходит в школу. Первый урок обалдевшие дети слушают его, примерно, как пришельца-гуманоида, вошедшего в контакт с человечеством. Второй урок они заметно начинают скучать (откуда же батюшке понять, что урок для младшеклассника не может состоять из 40-минутного вещания, а должен содержать смену учебной деятельности с набором разнообразных педагогических приемов). На третий урок дети начинают «стоять на ушах».

Таких примеров было не счесть за эти годы, когда сама школьная администрация приглашала священников вести чего-нибудь духовно-нравственное. (Чем черт не шутит, авось, и сработает, дети, может, будут меньше материться и драться.)

«Руки в ноги – и бежать» — обычная реакция священника, понявшего, что перед ним не умильно улыбающиеся бабушки, готовые по часу слушать его благочестивую околесицу, а орава светских детей, которые кричат и не слушают его. Со старшими классами еще хуже, потому что там дети задают серьезные и порой каверзные вопросы, неумные и нечестные ответы на которые тоже не проходят. Те священники, у которых есть образование и педагогические способности, они и так обычно давным-давно успешно сотрудничают со школой, но таковых ничтожное меньшинство. Да и священническая загруженность и вечный поиск денег не оставляют особо места такому бесплатному просвещенческому энтузиазму. (От одной отпеты за 15 минут старушки куда больше проку и меньше затрат.)

Но хотелось бы немного о другом сказать. Это какая-то странная, непобедимая вера в то, что введенный в школу предмет ОПК или пришедший туда священник сами по себе могут как-то в ком-то пробуждать веру и любовь к христианству. Я знаю немало священников, которых

категорически нельзя пускать на порог школы, потому что они своим поведением, уровнем культуры и образования могут лишь отвращать от христианства.

Теоретически это кажется логичным, что человек, имеющий «религиозный опыт», живущий этим, может точнее, доходчивее и убедительнее что-то объяснить. Но в реальности весь этот компот из чудотворных икон, мощей, чудес, бесобоязни, антихриста, мировой масонской закулисы и прогнившего запада совершенно неприемлем для светских детей. Девять десятых в таких рассказах детям занимает повествование об устройстве храма, о двенадцатых праздниках, иконах и прочем. И только рассказ об евангельской этике обычно остается на задворках. Куда более простым и эффективным способом было бы просвещение самих учителей. Но по факту эксперименты по воцерковлению пожилых представителей педагогического сообщества дают обычно отрицательные результаты. Заряженные батюшкой золотой ватой с добавкой пороха еще советских времен, выстреливают они в школе громко и скандально.

Если же отвлечься от всего этого и обратиться к самому митрополиту Илариону, да посмотреть, каковы результаты его реформаторской деятельности на ниве церковного просвещения за уже довольно значительный срок, то можно только руками развести. Это вообще тема отдельной статьи, здесь только можно констатировать что все эти шикарновещательные планы про Общецерковную аспирантуру, Болонскую систему образования в семинариях, кафедры теологии в вузах в реальности оказались пшиком, великолепными замками на бумаге и на словах, которые в бесчисленном количестве и с показным энтузиазмом строят все последние годы при патриархе Кирилле. Церковь так и не смогла создать качественную систему церковного образования. Православный Свято-Тихоновский Университет загибается от недофинансирования, провинциальные семинарии влачат жалкое существование, преподаватели-«пиджаки» изгоняются, а остальным платятся те же самые копейки.

И кого эта система может научить и направить в школы? Я вовсе не отрицаю наличие и образованных священников, но не они делают погоду, скорее наоборот, явно наметилась тенденция их оттеснения ради бюрократизации церковной жизни. «Мне нужны не умники, а верноподданные» — скорее эти слова Николая Первого можно определить как руководящий принцип понтификата Кирилла.

ЭТОТ МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ ЛОПНЕТ С УЖАСНЫМ ТРЕСКОМ

Ответы на анкету анонимного священника:

Есть ли разница между Церковью, в которую ты пришел когда-то, и РПЦ, в которой оказался?

Тут, как и у многих, все банально: «Любовная лодка разбилась о быт!» Если бы я продолжал оставаться в сфере «потребления религиозных услуг», раз в неделю ходящим в храм исповедаться-причаститься, а свои печали запивая святой водичкой, то, может, моя неофитская наивность так бы и не рассеялась. Но я, как священник, оказался в сфере «производства» этих услуг с возможностью видеть значительную часть (далеко не всю) внутренней кухни. Прошу не считать меня циником: сами церковные апологеты постоянно и настойчиво в качестве аргумента (не от большого ума) используют это сравнение. «Почему вы не ходите в храм? Вам священники не нравятся? – патетически спрашивают они. – Но если пьяный почтальон принесет вам письмо, какая вам разница, в каком состоянии он и какую ведет жизнь, главное — он исправно приносит письма. Или если вас в магазине обругает продавец или в клинике врач, вы же не откажетесь от услуг торговли и медицины!»

Пока по твоей судьбе не проедет тяжелое колесо раззолоченной колесницы епископа-«наследника апостолов», старца или настоятеля, редко появляется отрезвление. Да и после далеко не всегда. Большинство прихожан, которые вроде как должны быть живыми членами церковных общин и т.д. и т.п., как раз сегодняшняя система церковных отношений наиболее востребована. Это такой своеобразный договор: «Мы вас считаем православными, а вы нас считайте вашими пастырями!» В реальности это очень удобно: приходи раз в неделю на службу, не забывая совершить пожертвование. От прихожанина необходима создаваемая им массовость и его кошелек, но сам он, как личность со своими бедами и радостями, не нужен никому ни разу! Больше от тебя ничего не требуется, живи вне стен храма как хочешь, потом на исповеди, разве что, пожурят тебя за нерадивость. Удобно и священнику: во внутренние дела прихода никто не лезет, отчитываться за свои решения и финансы перед прихожанами не нужно, его личная жизнь — тоже его личное дело. При общинной жизни надо и ходить на собрания, и голосовать, и что-то там отстаивать, и участвовать в жизни прихода — кому это надо! Тех же, кому это надо, и кто бы хотел чего-то большего кроме «хождения», в целом немного.

Ментальность «homo soveticusa» с его конформизмом, сервизмом и неизбежно порождаемым совком, мне кажется, и способствовала массовости обращения бывших советских граждан к церковной жизни в начале 90-х. Это было связано не с тем, что Церковь предлагала нечто принципиально новое, а, наоборот, человек мог оказаться в заповеднике, когда рушился старый привычный мир и нужно было учиться жить и строить новый, на основе свободы. (Что не отменяет тех тысяч, пришедших действительно в Церковь за «горним светом не вечернего дня Царства Небесного». Но хлынувший огромный поток людей, так и не поднявшихся выше примитивного потребительского магического сознания, смог эту соль просто растворить в себе.) По крайней мере, не проходящее ощущение застойного совка, как привкус ацетона во рту после отравления, чувствуется сегодня в церковной жизни очень сильно.

Что изменилось для тебя за последние годы власти патриарха Кирилла?

Появилось ощущение того, что стало гораздо меньше свободы (при патриархе Алексии она, конечно, носила часто анархический характер, в соседстве с самодурством епископов, но хотя бы за высказанное личное мнение так не преследовали).

Увеличилось давление атмосферного столба властной вертикали. Я тогда учился в семинарии и отчетливо помню наивные надежды, которые охватили нас, часть семинаристов, да и простых мирян, на изменения, движение вперед с приходом нового патриарха. Патриарх-миссионер... Вспоминаю приезд в нашу епархию патриарха Кирилла на освящение собора. Несколько раз со всех приходов были большие денежные сборы, страшная нервозность, вприпрыжку бегавшие благочинные, ор епископа с брызжащей слюной на подчиненных, и страх, страх, страх. Тогда вдруг я понял, встретив каменно-тяжелый подозрительный взгляд патриарха, идущего между двух шеренг выстроенного духовенства, что это не наш отец, а властный господин, выкованный прежней советской церковной системой, прошедший все ее ступени.

Но я вовсе не сторонник разделения якобы прекрасного патриаршества Алексия и ужасного понтификата Кирилла. Все это один процесс, с теми же прогрессирующими болезнями. Заточенность церковной жизни на храмостроительство и обрядоверие, стремление возродить те церковные модели жизни, которые когда-то и привели Россию к краху, мне кажется, никакого иного результата дать не могут. Для меня совершенно явен коррелят светской политической системы с церковной. Безумный

авторитаризм, помноженный на безумную коррупцию и там, и там ведут к одному и тому же страшному обвалу, который, видимо, предстоит пережить всем нам.

Ощутил ли на себе последствия раздела епархий?

Ни разу. Что так брали конвертики «ангелы света», что эдак. Это самоклонирование иерархии никак не способствует развитию церковной жизни, ложась разве что бóльшим финансовым бременем на приходы. Православие само по себе очень дорогая штука, а уж содержание все возрастающего количества епископов, большинство из которых хочет жить как «Христос во славе», с их бесконечными митрами, саккосами, посохами и панагиями, резиденциями, трапезами и машинами представительского класса, сжирает львиную долю тех денег, которые могли бы пойти на развитие воскресных школ и прочее. Каждый новый епископ еще, как правило, строит такой кафедральный собор, который никогда сам себя не сможет содержать без крупных спонсоров и помощи местной власти. Никаких же реальных реформ патриархом так и не было проведено.

Помните его знаменитое распоряжение о том, что при каждом приходе должен быть свой штатный миссионер, катехизатор, молодежный, социальный работник с «зарплатой, на которую можно жить»? Это вообще сам по себе образец невероятного лицемерия и цинизма церковной власти, выкачивающей с приходов основную часть дохода. На местах в отчетах мы бодро отписались о том, что теперь у нас все эти люди есть и живут они счастливо. И так по поводу каждого начинания, идущего сверху.

Какие проблемы видишь в епархиальной жизни?

Несть им числа. Епархии все больше, мне кажется, начинают уподобляться сатрапиям с их наместниками-деспотами, которые чаще всего озабочены лишь сбором дани. Все остальное – это чистая туфта и формалистика. Благие начинания талантливых священников обычно заканчиваются или с их смертью или безвременным переводом. Священник может созидать лет 20 общину, а потом на его место поставят безмозглого порочного настоятеля, который разрушит и выжжет за пару лет все до основания. Потом назначат другого священника спасать приход (чтобы он мог платить епархиальные поборы), ну и начинай сначала. Естественно, происходит своеобразная кадровая селекция по принципу лояльности начальству, а не личных талантов. Приходы потихоньку хиреют, кого можно взять из них на священство? Провинциальные семинарии – та еще притча во языцех. На курсе хорошо если 3-5 человек учится.

Ну, а на уровне архиерейской власти при таких бесконтрольных дармовых деньгах и власти идет разложение. Происходят до того немыслимые вещи, вплоть до уголовного характера, в которые я бы никогда не поверил, что это вообще возможно, если бы точно не знал этого.

Каковы твои взаимоотношения с настоятелем, братьями-священниками, архиереем?

В общем-то никаких, кроме формально-служебных (чему я и рад, потому что эти отношения в реальности весьма токсичны). Все духовенство в нашей провинциальной епархии разобщено, каждый сидит на своем приходе и ревниво следит за соседними, с мистическим трепетом вслушиваясь в раскаты грома в епархиальном управлении, старается уловить исходящие оттуда флюиды. Кто находится в немилости, а кто в фаворе, кого переведут, кого повысят, кому дадут награду, а на кого ляжет опала – все это составляет, кроме приходских забот, основную часть размышлений типичного священника.

Поповская среда часто насыщена интригами, слухами и сплетнями и для развитого образованного человека невероятно душна и скучна. Все личное сближение скатывается до кухонного обсуждения всего этого, как из глубоко-застойных времен.

Общепархиальное собрание провинциального духовенства каждый раз на меня производит очень тягостное впечатление. На лицах – всегда пугливо-напряженное выражение с попытками изобразить невероятную заинтересованность и радость по поводу речей архиерея. На передние ряды обычно садятся благочинные и пузатые митрофорные протоиереи, а уж после них – как раз эта основная несчастная часть «куда ветер – туда дым», которая делает вид, что слушает речи епископа как откровение Архангела Гавриила о непорочном зачатии. И, конечно, на очередное заявление о повышении епархиальных сборов, внутренне спрашивая себя: «Како будет сие, идеже спонсоров не знаю», в конце все же смиренно заключает: «Се, раба владычня! Да будет мне по слову твоему». Бывшие шофера и электрики рядом с шустрыми молодыми попами – бывшими иподьяконами или поповскими сынками без образования – все это было бы не так ужасно, если было бы стремление к самообразованию или хоть какой-то возвышенной идее.

За архиерейскими трапезами по случаю приезда владыки на приход, кроме елейных льстивых речей, разговор не поднимается выше того, что вещают из телевизора.

Есть и некоторое число умниц-священников, страдающих, как правило, «горем от ума» на дальних глухих приходах.

Показателем отношений между священниками является беззащитность священника перед произволом архиерея. На епархиальном собрании все, если надо, проголосуют «за» (с советским единогласным поднятием рук, «кто против-воздержался-единогласно») решение самого честного церковного суда в мире. Бывают редкие исключения, когда личная дружба и уважение в ком-то преодолевают, но «безумству храбрых поем мы песню» про себя, и таковой оказывается на карандаше и в немилости до следующей расправы.

Как живет обычный священник день за днем, без прикрас, без слащавой картинки для православной публики?

По-разному. Я отношусь к той низшей касте штатных, вечно помыкаемых церковной властью, священников, ниже которой только «неприкасаемые», с точки зрения начальства — священники в запрете или за штатом по немилости. Социальное и имущественное неравенство и его несправедливость среди духовенства не позволяют вообще говорить о его каком-то внутреннем единстве. В одном благочинии может быть образованнейший священник с дипломом МГУ в глухой деревне, доедающий последнюю корку хлеба, и рядом в городе — настоятель из сторожей, который всей семьей летает отдыхать на Кипр.

Обыденная жизнь священника довольно серая. Сама церковная жизнь сегодня проходит глубоко на обочине общественной, тяготея к внутренней закапсулированности. Тут в череде однообразных дней без особых перспектив развития прихода остается или уйти во «внутреннюю эмиграцию», занявшись какими-то интересными вещами для себя, или пуститься во все тяжкие. Ну, или тихонько прозябать жизнью «премудрого пескаря».

Как выглядит приходская жизнь глазами священника? Социальная, миссионерская, молодежная деятельность на твоем приходе, в твоей епархии – это реальность или фикция?

Фикция, об этом и говорить нечего. Вся подобная деятельность при серьезном подходе требует двух вещей — регулярного финансирования и демократических отношений на приходе при общинной жизни. Приходы сегодня часто сводят концы с концами, в первую очередь из-за епархиальных поборов, расходов на содержания храма, штата и священников (так по

крайней мере у нас). Вместо реальной работы — куча отчетов, да участие или организация мероприятий для галочки (главное — предоставить фотографии, где ты какой-нибудь бабушке вручаешь открытку или стоишь рядом со студентами местного бывшего ПТУ — и этого достаточно).

Три часа общения с неверующим тебе не даст ни копейки, а три часа махания кадилом как минимум принесут несколько тысяч. Даже если священник служит «не ради хлеба куса», то такой роскоши он себе не может позволить из-за постоянной необходимости содержать приход и выполнять «обязательства перед епархией», как именуют денежные поборы сверху.

Как ты видишь прихожан, каковы ваши отношения?

Приходская жизнь малорадостна. Чаще всего на нее у священника, загруженного требами, участием в бессмысленных светских мероприятиях, бумажной волокитой и хозяйственными делами, не остается времени. Да и особого желания по душам общаться с малокультурными верующими, в массе своей заряженными псевдоцерковным бредом и телепропагандой, с внутренними нерешенными проблемами, лично у меня не возникает. При этом у меня есть личные добрые отношения и дружба с теми прихожанами, которые мне близки по духу или просто симпатичны и интересны как личности.

Большинство прихожан обращается к вере чаще всего через какую-то личную беду, ища опоры и утешения, либо по выходе на пенсию находит вот такую социальную среду, где старики хотя бы внешне не одиноки — и все это тоже накладывает отпечаток неблагополучности и безрадостности. Характер и система церковных отношений оставляет мало места для людей интересных, творческих, образованных, самостоятельно и критически мыслящих. Молодежи с ее энергией и мужчинам с внутренней независимостью просто не остается места. Чаще всего остаются какие-то блаженные, «мешком прихлопнутые», весьма странные люди. В основном на приходе женщины и бабушки, которые еще ко причастию приводят и приносят младенцев и детей.

Все мои попытки из этого состава создать общину не увенчались успехом. Но, по крайней мере, у меня на моем маленьком приходе нет скандалов и конфликтов, да и в целом отношения благожелательные. (Опять же, напомним, что мои наблюдения касаются церковной жизни глубокой провинции с глухими поселками и городками, в больших городах, наверное, иначе.)

Как выглядит финансовая жизнь обычного прихода, куда распределяются денежные потоки? Зарплаты, отпуска, больничные, пенсии, трудовая, весь соцпакет – как с этим обстоит?

Зарплата в среднем в нашем благочинии у штатных священников около 20 т.р., раньше официально в ведомости у меня стояло где-то около тысячи, а потом я даже в ведомости перестал расписываться, получаю наличкой. В соседнем благочинии у священников зарплата тысяч 10, остальное добирается через выездные требы, тут уж как повезет, но в последнее время везет все меньше и меньше. Где-то священники вообще вынуждены чуть ли не «бомбить» по вечерам.

За последнюю пару лет пожертвования в среднем упали на половину, в то же время епархиальные сборы выросли. В результате денег на приходе остается, чтобы едва-едва свести концы с концами. Растет количество приходов-задолжников перед епархией. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти...» Дело в том, что у нашего, да и, похоже, не только у нашего, епископа своеобразное воззрение на соотношение священнического служения и количества пожертвований. Если денег мало, значит священник плохо работает с людьми, он плохой миссионер, плохой молитвенник, раз к нему мало ходит на службы и мало заказывают треб. «Если не справляетесь, снимайте крест и уходите, поставим нового настоятеля, незаменимых людей у нас нет!» — как-то раз довелось мне довелось слышать на епсобрании.

Как себя ощущает священник через несколько лет служения? Есть ли чувство правильного движения, духовного развития или регресс по сравнению с тобой, только что рукоположенным?

Как ни странно, сейчас я ощущаю себя повзрослевшим, более зрелым. Тут откуда посмотреть. Если из шор обрядоверия, то это кажется регрессом. Я теперь не читаю утренне-вечернего правила, не пью по утрам святую воду и не закусываю Богородичной просфорой, в постах ограничиваю себя лишь в той мере, в какой считаю полезным для себя и не испытываю никаких угрызений совести по поводу того, что съел что-то непостное, по возможности сокращаю службу, совершенно равнодушен к мощам, чудотворным иконам и акафистам. И не по своей теплохладности. В какой-то момент, при попытках впихнуть все это в себя, я, ощущая от начинающиеся внутренние корчи и подступающую тошноту, вдруг осознал, что это все имеет весьма отдаленное отношение к христианству и уж никак не спасает меня и не способствует моему внутреннему росту. Более важным я для себя посчитал стараться жить по-христиански, как я это могу понять и

осуществить, обращаться к Богу как Отцу, воздерживаться от того, что моя совесть ощущает как греховное, помогать другим.

Если отмотать назад – пошел бы опять в священники?

Наверное, все-таки да, но при определенных условиях, без которых — нет. В священстве сходятся все мои жизненные поиски (конечно, не в том формате, который есть сегодня в РПЦ), но при этом я бы не пошел, как раньше, в добровольное рабство. Без наличия своего жилья, востребованной в мире профессии, образования – в общем, всего, что тебе дает независимость, идти сегодня в священство – чистое безумие. Моя мечта – заниматься преподаванием, исследовательской научной работой, к чему у меня, надеюсь, есть способности и образование. Вместо этого мое служение проходит на захолустном приходе с десятком бабушек, где, кроме махания кадилом, больше ничего не надо.

Нет ли желания уйти совсем: за штат, снять сан или в альтернативную церковь?

Желание-то спорадически появляется, когда накапливается. Но вот так просто хлопнуть дверью и уйти – этого удовольствия епископу и благочинному я не доставлю. Зная, что, конечно, проиграю в противостоянии, но все-таки хочу побороться (патетически скажу: не против Церкви, а за Церковь!). Сейчас они все же боятся, по крайней мере их ужасно нервирует, когда «конфликт интересов» выносятся в публичное пространство. Все их дутое величие оказывается жалким фарсом, сразу выпирает невежественность и неадекватность. Поэтому, мне кажется, есть смысл в том, чтобы в подобной ситуации поговорить о церковных проблемах, благо, фактов и наблюдений хоть отбавляй. Мечта, конечно, быть заштатным «фрилансером», когда бы ты мог только служить литургию, а жить и зарабатывать вне церковной сферы.

Переход в иную православную юрисдикцию мне кажется бессмысленным, подозреваю, что болячки общие, а иные деноминации меня просто не интересуют.

От чего больше всего устаешь?

От бессмыслицы церковной жизни и служения. Ты копаешь огород, садишь его, устаешь, но это плодотворная усталость, ты видишь результат своего труда. А от крещения и отпевания, поставленных на поток, от безумных великопостных служб в полупустом храме, в смысл которых мало кто может вникнуть, от тупой бессмысленной отчетности с приписками, на которую ты тратишь дни и знаешь, что ее даже читать никто не будет, от участия в

светских мероприятиях, где ты в роли свадебного генерала должен поздравить «тружеников сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности», никакого результата нет (кроме финансового, но это того и не стоит: основную часть придется опять же бессмысленно потратить или отдать наверх).

Есть ли разрыв между тобой-человеком и тобой-священником?

В личных отношениях с людьми и поведении нет (я не фанат всяческого показного благочестия, на моем маленьком приходе нет даже традиции «целование ручки», не говоря уж о пафосной позе жреца), стараюсь выстроить наиболее простые отношения, в которых было бы взаимное уважение и дружба. Разрыв в другом: мои интересы и увлечения никак не востребованы в церковной жизни, а политические взгляды и оценки вовсе неприемлемы. То, что я читаю, смотрю и обсуждаю в интернете, с прихожанами я обсуждать не буду. Поэтому в личной жизни я скорее чувствую себя одиноким, искренне общаясь лишь с несколькими людьми, у которых более чем критическое отношение к церковной действительности, либо они живут вообще вне всего этого.

Священство – благо для твоей семейной жизни или проблема?

Скорей проблема. Моя священническая несвобода касается и моей семьи. Начиная от какой-нибудь ерунды, вроде того, что твоя семья как в аквариуме, и надо стараться «не давать повода ищущим повода» в одежде, к примеру, и заканчивая более серьезными вещами. Сейчас я служу в довольно глухом населенном пункте, где местная школа не может моим детям дать хорошего образования, не говоря уж об отсутствии здесь художественного и музыкального образования. Про поликлинику с местными коновалами тоже говорить нечего. И над всем этим – постоянная неопределенность, тебя могут перевести куда угодно и сколько угодно раз, могут вообще выкинуть из священства, если придется вступить в конфликт с «генеральной линией партии».

Каким видится будущее (собственное и РПЦ): ближайшее, лет через 10?

И то и другое в мрачных красках. Я вовсе по характеру не «боец», человек скорее мягкий, но у меня с самого начала священнического служения необъяснимым образом получилось оказаться в «опале», которая, похоже, не закончится. С точки зрения священноначалия, я «шибко умный», негласно мне предложено на выбор: или встраивайся в систему и шустри, тогда тебе

будут «ништяки» в виде настоятельства на хорошем денежном приходе, награды и повышения, либо прозябай в глуши с парой бабушек.

Будущее же РПЦ связано напрямую с судьбой современной политической системы. Потому что такое уродливое кособокое здание на песке выстроить и удерживать стало возможно лишь при поддержке государственной власти. Сама по себе церковная система не только не окупаема, не способна содержать даже свои большие соборы, но еще и внутренне деградирует: выдавливаются образованные и способные осуществлять реальные проекты люди (их место занимают «показушники»-бездари), разрастается церковная коррупция с ее поборами, нищие приходы хиреют, а жиреющее священноначалие нравственно разлагается.

Эта жизнь не по средствам, как пир во время чумы, все равно закончится. Как только закончится господдержка, этот мыльный пузырь сразу лопнет, причем с ужасным треском. Как только дадут ход делам с преступлениями настоятелей и епископов, будет присуждена первая выплата пострадавшему, суды будут завалены всем этим невероятным компроматом, что копится годами. В интернет хлынет то аудио и видео с утехами «ангелов света», которые просто похоронят всякий авторитет. Увидеть какое-нибудь «его высокопреосвященство» в общении с молодыми чинодралами — зрелище не для слабонервных.

Я уж не говорю о финансовых махинациях. Огромное количество наших храмов строится на коррупционные деньги щедрых не без своей выгоды депутатов и градоначальников. А уж распоряжение деньгами настоятелей и епископов... Плюс еще если откроются архивы КГБ. Церковная система сегодня без государственной поддержки не может существовать так же, как последняя без нефти. Дело не просто в том, что расходы превышают доходы. Церковное руководство выстроило именно паразитическую модель, когда без притока ресурсов извне она не может существовать. Извне приходят деньги, приходят люди. Руководство высасывает эти соки, в обратном направлении выделяя лишь токсичные продукты своей жизнедеятельности. Сколько замечательных талантливых священников и мирян пришло в Церковь с 90-х годов! Большинство из них система просто бессмысленно изжевала как дольку апельсина, высосала соки и выплюнула. Сколько было благих начинаний и проектов, все это было заглушено. Но самый важный, человеческий ресурс оказался бездумно растрочен, а новый не нажит. Да и места таким людям не остается. Нужны исполнители, а не творцы.

Для краха не нужно никаких гонений, просто предоставить те же условия, как для каких-нибудь общин протестантов. Тебя не будут звать на мероприятия, радио и телевидение, вещать о тебе из каждого утюга, предоставлять клубы — за аренду помещений нужно будет платить. И мы просто исчезнем внешне, потому что никаких своих церковных конкурентных СМИ нет, реальных организаций в обществе нет и т.д. Достаточно просто выключить звук. Но радует это мало, потому как под обломками меня первого и погребет.

К СВОБОДНОЙ ПОЛЕМИЧНОСТИ БОЛЬШИНСТВО СВЯЩЕННИКОВ И МИРЯН НЕ ГОТОВЫ

Самой пререкаемой из моих публикаций на «Ахилле» стала «Анкета анонимного священника» (см. предыдущую статью — прим. ред.), перепощенная о. Андреем Кураевым и вызвавшая немалую волну комментариев. На некоторые из них мне хотелось бы ответить.

Меня весьма позабавило, что ряд комментаторов ударился в теорию мистификации. Могу засвидетельствовать, что я не выдуманный персонаж, не главред «Ахиллы», не нанятый агентами Госдепа, не обиженный на весь мир, не атеист, не циник и не предатель в рясе, не оплаченный мировым жидомасонством. Я обыкновенный православный священник из дальней провинции, у которого есть жена и дети. Вообще, это странная черта у многих православных — искать самые худшие мотивы у тех, кто с ними не согласен. Неужели так сложно предположить, что человеком может двигать поправное чувство справедливости, желание рассказать о своей боли, защитить свое достоинство и достоинство Церкви Христовой, стремление отстоять евангельскую правду и чистоту его учения от изврата, просто искренне написать, как думаешь и что лежит на сердце, а не только корысть, ложь, обида и месть? Можно лишь пожалеть верующих с подобной картиной мира. Как говорят: «Злой не верит, что есть добрые люди».

Даже самым яростным моим оппонентам я благодарен за комментарии: они все же прочли мой текст, пусть и бегло, как и тексты других авторов, потратили свое время на это, да еще на написание комментария и, значит, в этот момент это было для них важнее, чем пролистывание нятных постов с изречениями старцев. Опять же забавно, что такие критики, читая тексты на «Ахилле», потом приходят на страницу главреда рассказать, что это все бездарность и клевета и читать их ни в коем случае нельзя. Конечно, самым непримиримым остается только пожелать: идите все в ЖМП, там столько

благодати, любимый патриарх и архиереи во всех ракурсах и новых облачениях. Журнал высокой церковной моды для поклонников «шоб было бохато» и для истинных тонких ценителей церковно-советского канцелярита, а «алчущие правды» в конце журнала могут насладиться постановлениями церковного суда. (Журнал «Модный Приговор» прям какой-то.) Люди попроще могут в это время посмотреть по телеканалу «Союз» передачу с корявым невразумительным интервью очередного батюшки N, который в этот раз будет глубокомысленно нести околесицу, противоположную выступавшему до этого собрату, который в свою очередь делился премудростями «от ветра главы своея» (главное, не забыть потом взять комментарий у своего приходского батюшки, чтобы обогатить свое сознание еще одним новым пониманием). Ну а совсем «простецам» можно посоветовать порадоваться очередному выпуску приходской газеты, где в 26 раз со времен ее основания они прочитают об истории и смысле ближайшего двенадцатого праздника.

Отдельно мне хотелось бы затронуть вопрос о моей анонимности и сотрудничестве с «Ахиллой», что так возмущает критиков. Конечно, это кажется определенной двусмысленностью, которая порой останавливает других отцов, написавших бы о своем опыте и своих размышлениях. На это я могу сказать, что не от хорошей жизни приходится скрывать свое имя. Бог мне судья, не для сведения личных счетов, не корысти ради и не из обиды я пишу. «Ахилла» дает возможность чистосердечно выразить свои мысли, свое несогласие и возмущение, сказать о лжи и обмане в церковной жизни. Сделать это в официальных церковных СМИ под своим именем невозможно.

Ведь только вдуматься: на стороне патриархии огромные людские, организационные и материальные ресурсы. Но даже имея возможность привлекать профессиональных журналистов, богословов и публицистов, она не может сделать интересным, полезным и востребованным в общецерковном значении ни одно свое СМИ. И при этом сайт, который делается на дому двумя людьми, живущими на Урале, вдруг приобретает за короткое время общецерковную значимость. Видимо, здесь говорится о чем-то таком, что принципиально важно для других.

Не со всеми авторами я согласен, но здесь я могу свободно написать о своей точке зрения. И то же самое может сделать любой несогласный. Если текст будет интересным и аргументированным, он будет наверняка опубликован, потому как какой же главред откажется публиковать текст, который привлечет внимание читателей и сможет расширить читательскую

аудиторию сайта. В официальных церковных СМИ можно написать какую угодно благочестивую ахинею, которую молча проглотят, здесь же текст будет комментироваться и оцениваться, хороший текст станет топовым и разоидется по репостам, слабый пройдет незамеченным. Только в таком формате и может развиваться качественная интересная журналистика, затрагивающая действительные, а не мнимые проблемы, помогая адекватному осмыслению реальности. А иначе – скатывание к тому ужасающему убожеству церковного официоза, в котором сегодня прозябают его издания, занимающиеся производством никому не нужной макулатуры. Конечно, к такой свободной полемичности большинство священников и благочестивых мирян (не говорю о епископах) никак не готовы, предпочитая жить в сказке про голого короля.

Некоторые мадам написали, что вот, мол, все вы отцы — трусы и нет вам веры. Есть другой аргумент, слышанный мной от архиерея на епсобрании: «Если кому-то здесь что-то не нравится — снимайте крест и уходите, незаменимых людей у нас нет». Так вот я не согласен с этим сталинским принципом и монополией епископата решать, кто может быть в Церкви, а кто — нет. Содомиту, которому все нравится, выходит, можно оставаться, а мне — нет. Это моя Церковь, в которой вся моя жизнь, служение, надежды и мечты. Если я уйду и хлопну дверью, и потом напишу то же самое, то кому будут интересны слова «расстриги» Васи Пупкина, про которого скажут, что он из мести и обиды теперь порочит Церковь. Мол, он «вышел от нас, но не был наш».

В реальной жизни такие критики ни на своей работе, ни на своих страницах не могут сказать открыто о лжи и несправедливости у себя на работе. Они знают, что в этом случае им придется искать другую работу, поэтому предпочтут на кухне быть правдорубами перед готовящей борщ женой, но при этом называть авторов «Ахиллы» трусами. В помощь им можно лишь процитировать слова из проповеди патриарха Кирилла (адрес тот же: ЖМП, №3, 2013 г.): «Когда-то, еще ребенком, беседа со своим покойным благочестивым родителем, я спросил его: «Папа, как же можно прожить жизнь и не говорить неправды?» Отец ответил мне нечто, что я до сих пор храню в своем сердце как его заповедь — думаю, и заповедь Божию. Он сказал мне простые слова: «Сынок, никогда не говори неправды, но кто тебя тащит за язык говорить всю правду?» Думаю, что это самая правильная и богоугодная позиция в ситуации, когда слово правды может нанести вред нам самим или окружающим нас людям. Тогда нужно удержать язык свой от зла и сотворить благо (Пс. 33:13-14). Именно так — золотым молчанием — и

святые отцы, и подвижники благочестия отвечали на всяческую человеческую неправду».

Сами эти слова патриарха, замечу от себя, конечно, удивительнейший пример неправды и иезуитства.

Я бы мог при желании насобирать целый ряд примеров из Священного Писания про то, как анонимностью пользовались в благих целях, но мне просто лень. Хоть поверьте, хоть проверьте, этих примеров достаточно. В православии часто важнее мотивация, а не поступок. Есть у нас «святые самоубийцы», например. Сам вопрос авторства в православии всегда был делом десятым, церковное искусство в подавляющем своем числе анонимно. Не важно, кто я, важнее, о чем и зачем я пишу. Да и кому особо интересен штатный священник из Богом забытого захолустья? У меня нет цели писать клеветнические анонимки, мне неинтересны чьи-то частные грешки, будь то дела священников или же епископов. Важно отношение к ним в Церкви, их влияние на судьбы других и следствие их для настоящего и будущего церковной жизни.

Пишу я это не от нечего делать, а от личного ощущения того, что далее молчать невозможно, что моя Церковь под управлением таких кормчих вслед за политической системой приближается к своему тяжелейшему кризису, который может стать катастрофой. Как человек, находящийся внутри системы, я могу свидетельствовать о дутой значимости деятельности Церкви, о растущем озлоблении в обществе по отношению к недостаткам Ее представителей. И опять странность: виноватыми во всем этом, чуть ли не разрушителями Церкви, почему-то оказываются не те, кто творят мерзости, прикрываясь церковным саном, а те, кто их обличают. Неужели кто-то думает, что это не вылезет наружу?

В начале 90-х русской Церкви авансом были созданы невиданные в истории благоприятные условия для общественной деятельности, христианизации народа, церковного просвещения. Эти возможности оказались в большей своей части нереализованными, деградация церковной жизни сегодня нарастает. И большее всего эти следствия аукаются не на патриархе, а на мне, простом попе, который вместе со своей семьей совершенно беззащитен и перед священноначалием, и перед светским миром. Обо всех претензиях к Церкви, о невежестве, роскоши и распутстве духовенства говорят в лицо не патриарху, а мне.

Пора осознать, что мы живем в стеклянном доме, где при всем желании уже становится невозможным утаить «церковный сор». Его защитники не верят в

силу Истины, да и в саму Церковь. Неужели Церковь Христова так слаба и ничтожна, и разрушится, если говорить о зле внутри церковной ограды? Однажды меня поразили слова у Сергея Фуделя: «Всякий грех в Церкви есть грех не Церкви, но против Церкви». И грех должен быть обличен и исторгнут, а не облачен в золотые ризы и поставлен на амвон.

«Ахилла» как народный проект – это возможность для разговора и дискуссии, осмысления и поиска путей выхода как для конкретных людей, покалеченных церковными отношениями, так и для всей Церкви. Молчание и бездействие раны церковные не уврачают. Гной будет копиться и дальше, пока однажды не прорвется и не вызовет своим зловонием всеобщее отвращение. Мое слово, если оно кому-то интересно, направлено не против Церкви, а за Церковь – Христову Церковь милосердия и правды.

ПОДАЙТЕ, ВЛАДЫКА, ХРИСТА РАДИ, ГЛОТОК МИЛОСЕРДИЯ И КРАЮШКУ ПРАВДЫ!

Ответ на интервью с митрополитом Саратовским Лонгином (Корчагиным), опубликованным на сайте Православие.ру 30 октября 2017 года.

Рассуждения митрополита Лонгина о проекте «Ахилла» и его авторах – совершенно типичное, содержащее в себе тот однообразный набор обвинений и передергиваний фактов, который за последние годы мне приходилось слышать неоднократно в адрес несогласных с положением вещей в современной церковной жизни. Даже грустно становится от этой убогости и простоты рассуждений и не очень интересно на них отвечать. Но в силу именно их типичности как раз немаловажно рассмотреть этот «суповой набор» как доказательство порочности и недобросовестности логики многих наших иерархов и защитников сложившегося порядка, а следовательно, и неблагополучности их нравственного и духовного состояния.

Первый, самый типичный недобросовестный прием, который использует митрополит – это уход от ответа. Его, собственно, спросили о том, почему такой резонанс вызывает обсуждение недостатков в церковной жизни, почему для такого огромного количества людей это так важно? Вместо ответа на этот вопрос владыка пускается в рассуждения о священниках, потерявших веру и из обиды клеветующих на Церковь. Логически это никак не связано между собой. Это все равно как сказать, что резонанс от коррупционных скандалов вызван клеветой разочаровавшихся бывших чиновников.

Второй характерный недобросовестный прием – это «демонизация оппонента». Представляя авторов «Ахиллы» как озлобленных, разочаровавшихся и обидевшихся ренегатов, митрополит тем самым пытается доказать, что слова их не заслуживают никакого доверия, все это ложь и клевета. Даже если бы это было и так (что совсем не так, на самом деле), то это не имеет значения, когда речь идет о фактах. Если меня обманывает мой ЖЭК, и я пишу об этом заметку в газету, то будь я сто раз разобитый жидомасон, важно не это, а факт обмана и, следовательно, установление истины. А уж если в редакцию приходят сотни писем от возмущенных жильцов, то решить проблему словами, что, мол, на это все не стоит обращать внимания, потому что пишут обиженные люди, не получится. И на чем, вообще, основывается предположение митрополита, что обида вызывает обязательно в людях клевету, а не искреннее желание восстановить поправленную правду? Какой же отец и пастырь из этого владыки, если он в людях сразу предполагает только плохое?

Вместо обсуждения сути вопроса он пускается в приписывание другим самых худших мотивов, которые только могут быть: безверия, ненависти, уязвленной гордости, одержимости дьяволом. Тут уж возникают большие вопросы к духовному состоянию самого епископа. Как он с таким видением незнакомых ему людей может учить других духовной жизни и смирению? Позволю себе открыть неясный смысл для владыки в проекте «Ахилла», который он считает попущением Божиим. Он, видимо, уже совсем не помнит необходимости для верующего, в первую очередь, по словам преп. Льва Оптинского, «ближних видеть лучшими себя: ни в чем их не укорять и не осуждать, а укоризны от них принимать как посланные от Бога ко врачеванию наших душевных болезней». (Тут, конечно, всегда у священноначалия срабатывают двойные стандарты, по которым они любят учить смирению исключительно нижестоящих, но никак не себя.)

Опять же, во всем этом мы видим типичный мелкий полемический мухлеж, когда обсуждение сути проблемы подменяется обсуждением личности оппонента. Переход на личности в приличной дискуссии является моветоном и всегда служит признаком слабости позиции того, кто пускается в подобные обвинения, когда ему по сути сказать нечего.

Далее, следует отметить подмену конкретики фактов лжепокаянным общим утверждением о том, что «в нашей церковной жизни множество недостатков и проблем» и что сам владыка – «человек грешный». Все мы грешны и ничто на земле не идеально, но это не является основанием для отказа от

обличения, поиска правды и отстаивания евангельской истины. Речь идет не о чьих-то конкретных личных грехах, а о фактах и явлениях церковной жизни, которые касаются всех верующих, таких, как система церковной коррупции, непрозрачность церковных финансов и неподотчетность епископов своей Церкви, отстранение участия мирян в принятии решений, безнаказанность пастырей, чьи деструктивные приемы духовного руководства ломают судьбы людей и т.д. Если мой сосед предпочитает вместо унитаза у себя в квартире справлять нужду на кухне, это его проблемы, но когда он своим дерьмом сверху начинает топить мою квартиру, при этом утверждая, что это его право, а все остальные должны смириться, то это уже проблема моя и других жильцов этого дома.

Самой наивной и смешной подменой является привычное отождествление себя с полнотой Церкви. Это уже, конечно, своеобразная профессиональная девиация в сознании священноначалия. Если ты противник церковной симонии, поборов, самодурства епископов, явных фактов гомосексуальности ряда представителей церковной иерархии, то это, по их мнению, означает, что такой человек теперь будет «всю оставшуюся жизнь бороться с Церковью, ненавидя и унижая то, что он когда-то любил».

От себя я скажу, что я не бывший, а — наверное, к огорчению владыки, — вполне себе действующий священник (отдельный риторический вопрос владыке: почему столько ныне служащих священников все же пишут на «Ахиллу»?), что я не утратил веры и люблю Христа и Его Церковь. Но мне действительно омерзительны ложь и цинизм, которые сегодня пронизывают церковные отношения.

И да, могу засвидетельствовать, что не за материальными интересами лично я, как и, думаю, большинство критикующих сложившуюся систему, пришел в Церковь и пишу не от того, что мне чего-то «материально недодали». По себе других не судят, дорогой владыка (а вы действительно очень дорогой для Церкви, на вес золота, ваша цена — это стоимость многих загубленных и похеренных от безденежья церковных проектов). И если вы, как епископ, в ставленниках не можете распознать корыстолюбцев и отступников, увидеть их устройство (а это не так сложно), то это лишь свидетельствует о вашей профнепригодности и необходимости отправиться на ту «почетную пенсию», о которой недавно сказал патриарх.

Можно было бы еще приводить ряд примеров слабости и неубедительности озвученных слов митрополита, но, как говорил Д.С. Лихачев, «дело ведь не в количестве материала, а в его убедительности». Мне горько и стыдно, как

верующему, за то, что люди, которые поставлены к делу церковного управления, обязанные быть примером нравственной чистоты и правды, вот так отвечают, прибегая к недобросовестности, передергиваниям, полемическому жульничеству. Такой ответ не служит признаком большого ума или нравственной высоты.

Что с нас, авторов «Ахиллы», взять — обиженных, часто униженных и оболганных, покалеченных церковной системой? Нам бы только немного правды, как краюшки хлеба нищему, да глоток милосердия. Подайте Христа ради, владыка!

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ АРХИЕРЕЕВ И БЛАГОЧИННЫХ «КАК РАСТОПТАТЬ ЗАРВАВШЕГОСЯ ПОПА»

Часто недоумевают, почему священники оказываются молчунами и терпят порой самое унижительное положение? Мол, вот с их молчаливого согласия так и распоясываются епископы, а значит сами виноваты и нечего жаловаться. В общем, история про девушку, которая сама виновата, что ее изнасиловали.

В подавляющем числе случаев рядовой священник — это заложник церковной системы, и требовать от заложника броситься грудью на амбразуру просто бессовестно. Во-первых, он, как правило, обременен большой семьей, которую в светском мире он не смог бы себе позволить по уровню своих финансовых возможностей. Священник получает какую-то поддержку со стороны прихожан и добрых людей просто за факт священства. Чаще всего он не имеет светского образования, или же получил его слишком давно, а возвращение к прежней профессии шофера или рабочего на заводе уже невозможно как по состоянию растроченного здоровья, так и недостаточности такого заработка для содержания семьи. За годы служения происходит отмирание прежних социальных связей в светском обществе, которое становится для него совершенно внешним и пугающим. При лишении же сана бывший священник становится внутри церковной среды «расстригой», изгоем, которого будут сторониться, а многие очень скоро забудут: теперь он не раздаятель благодати, окруженный мистическим ореолом жречества, за которым мало кто желает увидеть его как человека. (Однажды я, находясь в тяжелом настроении, знакомой прихожанке стал говорить о проблемах священнической жизни, на что она ответила: «Даже слушать вас не буду. Вы же для нас как святой, вы для нас, прихожан,

образец для подражания, а вашими словами вы разрушаете этот идеал. Господь не дает креста выше сил, все по воле Божией».)

Формируется своеобразная психологическая зависимость от архиерейского гнета, как если бы человек провел лет 20 в тюрьме и оказался перед перспективой адаптироваться в совершенно иной свободной среде. Сознание священника бывает очень сильно сдвинуто за это время самыми различными манипуляциями про «терпение и смирение». Это испытание далеко не для каждого, и нередко оно ломает его. Насильственно отнимается священство, а с ним целый мир занятий, отношений, и мало что может заполнить эту образовавшуюся огромную дыру внутри. Некуда и не к кому податься, а начинать снова все с нуля лет в 40 уже слишком тяжело, как вращать старому дереву с оборванными корнями в новую почву.

Поэтому с одной стороны оказывается маленький бесправный священник, а с другой – всемогущий в отношении него архиерей. Попытки заручиться поддержкой приходской общины редко заканчиваются успешно. Священники часто перемещаются с прихода на приход и поэтому глубоких корней на месте не имеют. Отношения со священником зачастую – это отношения со священнослужителем, а не духовным отцом. Близкие и крепкие связи, большой авторитет – дело долгих лет служения на одном месте, и в провинции круг этот будут составлять не более 30-40 человек в лучшем случае. Богослужение же может совершать всякий. Сами приходские общины не имеют, как правило, единства, немногочисленны и не готовы защищать своего священника. Чаще всего это женщины средних лет и бабушки, которые могут лишь собрать подписи под обращением к архиерею, в котором смиренно попросят не переводить от них их любимого батюшку или не отправлять его в запрет.

Что происходит, если все же такое обращение будет подано? Архиерей его перенаправит благочинному, который начнет действовать по одной и той же схеме. Руководствуясь списком подписантов, он сперва индивидуально пообщается с наиболее значимыми из них. В ход пойдет весь набор манипуляций, против которого устоит редкий прихожанин, и так в массе своей имеющий манипулятивное сознание. «Вы не верите самому архиерею, вы считаете его лжецом? Вы хотите идти против архиерейской воли?! Вы отрекаетесь от единства с Телом Христовым, а значит с самим Христом из-за своей гордыни! Смиритесь! Все совершается по промыслу Божию! Да вы знаете, что это путь в раскол, вас отлучат от Церкви, вам нельзя будет причащаться, вас даже не отпоют. А грех раскола не смывается даже

мученической кровью!» — начав подобную речь с доверительных и жалеющих интонаций, благочинный завершит ее экзальтированным громогласным воплем, чтоб аж пробрало беднягу-подписанта. Прихожане в массе своей совершенно по-советски склонны к конформизму, и вступать в конфликт со столь высоким священноначалием в массе своей никогда не будут.

Конечно, останется маленькая группка непримиримых, но новоназначенный священник постарается нейтрализовать ее влияние на приход. Будет создана стена отчуждения со стороны покорного большинства и начнется психологическое выдавливание из приходской жизни. Попытки же устроить бойкот новоприбывшему священнику ничем не закончатся, потому как он может служить хоть в пустом храме, а пожертвования все равно будут, так как бóльшая их часть идет от тех, кого в церковной среде именуют «захожанами» — людей, которые изредка заходят в храм поставить свечи да заказать требы. Им все равно, кто будет крестить и отпевать их родных и освящать их обителища и колесницы.

Я могу вкратце рассказать, что произойдет со мной или любым другим рядовым священником, который выступит с открытым забралом и публично станет критиковать церковные порядки (эти последствия – живые наблюдения над судьбами священников, которые в нашей епархии дерзнули по разным поводам открыто выразить несогласие со священноначалием). Сперва раздадутся два звонка. Один — от его высокопреподобия благочинного, другой — из небесной канцелярии «ангела света», по совместительству наместника апостолов, то бишь архиерея. Уронив от неожиданности бутерброд на клавиатуру, я выслушаю примерно следующее в такой манере: «Слышь, ааатец, ты че там написал?! У тебя совсем с мозгами плохо стало в твоей деревне? Ты знаешь, какие последствия для тебя теперь могут быть? (N.B. Сами вопросы риторические, отвечать не обязательно.) В общем так, удаляй со свой страницы и на сайтах всю эту хрень. О своей писанине составишь рапорт. Если вызовут на прием к владыке, будешь слезно каяться, а нет, пеняй на себя». Конец связи. Это в лучшем случае, часто никаких звонков не будет, а сразу начнут «приниматься меры».

Само «раскаяние» подмоченную священническую карму уже не исправит, в том смысле, что, может, служить-то он и останется, но на захудалом месте и под постоянным подозрением. В случае же «нераскаянности» произойдет примерно следующее: если священник был главой прихода, то он будет

смещен или переведен на самый дальний и бедный, пойдут угрозы о церковном суде «за клевету» и запрете. Но кто думает, что все будет так вот напрямую, ошибается. Епархия в этом случае оказалась бы в неприглядном виде карающей репрессивной машины, которая несправедливо вбивает священника в пол всего лишь за слова, в которых нет никакого криминала. Поэтому становится важным опорочить такого священника.

Первым делом отряжается комиссия (без этого уж архиерею никак) к заблудшему пастырю. Комиссия старается нагрянуть неожиданно, потому как ежели жданно, то батюшка может прихожан собрать, шум и неприятности пойдут. Приехавшая от архиерея комиссия вовсе не будет устанавливать истину, которая уже установлена наверху: священник — клеветник и раскольник. Ей важно собрать доказательства этой истины. В качестве доказательства сойдут небрежно брошенные доски в приходском сарае, найденная в лампаде муха (подобная история была с отцом Дмитрием Терехиным — прим. ред.), капли воска на облачении, неаккуратно заполненный богослужебный журнал, пыль за иконой. Эти весьма страшные и веские доказательства вины священника (в протоколе будет записано: «Кощунственное и небрежное отношение к святыням») будут дополнены пачкой жалоб, которые за годы копятся на любого священника у благочинного и архиерея от любвеобильных верующих: отказался отпевать умершего с перепою дедушку-атеиста, недолжным образом провел «чистку квартиры», называл старым дураком местного духоносного старца и запрещал к нему ездить, говорил еретические речи про шарлатанство с мощами, сомневался в схождении благодатного огня, ну и прочие тяжкие прегрешения. В протоколе будет: «Неоднократные жалобы и нарекания от благочестивых прихожан, попрание святых таинств, отвержение православного предания и впадение в протестантское суетумудрие».

Кроме этого, обязательно откроется, что священник безбожно воровал миллионами и эшелонами, а в свободное от воровства время по-черному пил горькую (в протоколе: «Совершал грех святотатства, вел соблазнительную и недостойную священнического сана жизнь»). Ну а смелость иметь собственное суждение будет названа «гордостью». Припомнят неисполнение каких-либо бесконечных указулек сверху (о денежных сборах для погорельцев Сибири, о проведении мероприятий ко Дню народного единства и т.д.). Это уже будет иметь более серьезную формулировку: «Систематическое неисполнение распоряжений и указаний священноначалия».

Но и это еще не все. Расторопный благочинный, если общественность будет возмущаться, даст материал в местные СМИ о разоблаченном волке в овечьей шкуре.

Далее уже замаячит запрет, в котором священник, лишенный возможности служить и содержать свою семью, будет принуждаться этим к «покаянию». В некоторых епархиях в последнее время еще стала практиковаться такая дореволюционная форма, как направление священника в местный монастырь – до раскаяния.

Меня всегда поражала в этих историях готовность священноначалия, собратьев-иереев и некоторых прихожан клеветать самым невообразимым образом на такого священника, причем не стесняясь очевидности этой клеветы, предъявлять самые абсурдные обвинения вплоть до ереси. В этой легкой склонности ко лжи и травли есть что-то патологическое, какое-то страшное следствие ненормальности современных церковных отношений, странным образом напоминающих отношения в коллективах советских времен.

У священника нет защиты ни в каноническом праве, ни в церковном суде, который на самом деле никаким судом не является, а представляет собой комиссию следователей от архиерея, которая собирает данные, вызывает свидетелей и собранные материалы подает архиерею для окончательного решения. Нет защиты и в современном действующем церковном уставе. Священническое бесправие нашло выражение в одной поповской шутке: «Хожу на курсы вождения, хоть какие-то права будут».

По факту, единственным действенным средством для защиты себя или отстаивания церковной правды сегодня оказывается публичность. Это тот маленький камень из пращи Давидовой, который может попасть в лоб Голиафу. Часто, но далеко не всегда, только обнародование совершенной гнусности или перечня фактов может положить конец многолетней практике деструктивного воздействия со стороны псевдостарца и горе-игумена, доводящих пасомых до психушек и самоубийств, церковной коррупции, растления и сексуальных домогательств со стороны вышестоящих лиц. Конечно, можно и промолчать, распустив сопли про «покрой согрешение брата твоего» и «не надо выносить сор из избы». И вообще, лучше промолчать и смириться. Только при этом важно помнить, что он тебе уже давно не брат во Христе, а нераскаянный преступник, отпавший от Христа. И покрываешь ты преступника, который благодаря этому и дальше будет

калечить судьбы других людей. И уж точно он не пожалеет и не заступится за тебя.

По крайней мере, не стоит поддаваться этой еретической толстовской идее непротивления, ныне так популярной во внутрицерковной среде, а помнить не просто о праве, а и об обязанности христианина сопротивляться злу силой.

ПРЕДАННЫЕ И ОБМАНУТЫЕ

Слова пресс-секретаря патриарха священника Александра Волкова «тема пенсий все же не лежит в прямой проекции церковного участия» достойны того, чтобы стать мемом. Это универсальный ответ на любые вопросы, проблемы и претензии: «Что, у вас многодетная семья и нечем платить за квартиру? Сын-инвалид не может получить льготные лекарства? Незаконно посадили вашего мужа? Не можете найти работу? Едите выброшенную магазином „просрочку“, потому что маленькая пенсия? Извините, это не лежит в прямой проекции церковного участия».

Впрочем, сам шеф пресс-секретаря любит порассуждать на тему социальной справедливости: «Необходимо развивать экономику на основе свободного рынка, но одновременно заботиться о социальной справедливости, и здесь, конечно, очень важна роль государства. И нам кажется, что государство никогда не должно отказываться от этих своих функций, как не может отказаться от требования справедливости Церковь».

Правда, чаще всего патриарх с подобными поучениями любит обращаться к зарубежной аудитории. Как к президенту Гватемалы в вышеприведенной цитате. А вот он поучает премьер-министра Греции Алексиса Ципраса: «Я очень надеюсь, что Вы и ваше правительство во имя блага греческого народа будете делать все для того, чтобы, развивая идею социальной справедливости, поддерживать и сохранять духовные и нравственные основы жизни вашего народа... Если Церковь перестает настаивать на необходимости социальной справедливости, то отступает от своих очень важных принципов».

А для собственного народа — не лежит. Конечно, слова Волкова — пример просто феерической лжи, очевидной многим. Когда говорят, что Церковь срослась с государством, — это неправда. Сращивание подразумевает некое равенство, равнозначность. Церковное же священноначалие выставляет Церковь в роли лакея, стоящего у барского стола и шаркающего ножкой с

угодливой улыбочкой: «Чего еще изволите-с?» Я подозреваю, что впереди нас ждут еще более постыдные заявления. Чем более будет ухудшаться ситуация в стране, тем ревностнее нужно будет оправдывать действия властей, малодушно и трусливо позорясь в глазах общества, растрачивая последний авторитет и доверие простых людей, только бы не лишиться благорасположения кесаря.

И все это даже невзирая на то, что замысливаемая реформа бьет в первую очередь по самой РПЦ. Основная доля ее прихожан — это люди пенсионного и предпенсионного возрастов. Многие пришли с надеждой на то, что в церкви они найдут попираемую в мире справедливость и милосердие. Не раз их обманывало государство, бросало самых слабых и беззащитных на произвол. Они несут свою нелегкую копейку от нищенских пенсий или зарплат (каково в России 50-летней женщине найти работу и не попасть под очередное сокращение), умудряясь еще помогать детям и внукам, экономя на своем куске хлеба. И теперь от них отрекается и Церковь: «Ваши проблемы, дорогие верующие, нас, ваших отцов духовных, не касаются. Отдал лепту — свободен». Люди уходят, когда они понимают, что их просто обманывали, используя их деньги и силы ради личной выгоды под велеречивой вывеской «на благо Церкви и во славу Божию».

Холеные и круглые, как рождественские поросятки, эти апологеты и дальше будут вещать про социальную справедливость, милосердие, нестяжательность и воздержание, устраивая истерики по поводу оскорбления чувств верующих и информационной войны против церкви, поминутно оглядываясь на власть с тем же вопросом: «Чего изволите-с еще?» Не замечая, как все глубже разверзается бездна между РПЦ и народом. И когда уж не останется никакой опоры, она снова рухнет в эту бездну, увлекая за собой и обрекая на страдания в том числе и тех ревностных, честных и трудолюбивых священников и мирян, которые просто когда-то промолчали, когда от их лица вещали все эти бесконечные благочестивые вранья.

О ПРИЧИНАХ МОЕГО УХОДА ИЗ КЛИРА КРАСНОЯРСКОЙ ЕПАРХИИ И СЛОЖЕНИИ СВЯЩЕННОГО САНА

Мое решение оставить священный сан — тяжелое и болезненное и для меня, и для тех, кому я хоть как-то близок. Это часть моей жизни с ее надеждами, радостями и разочарованиями, за которой теперь начинается новый этап. На 37-м году жизни, в ожидании третьего ребенка, в глухой провинции, с очень

скромным достатком и туманными перспективами, последующим шельмованием «расстригой» и «отщепенцем» в православной среде, нелегко совершать подобный шаг.

Чтобы предупредить возможные вопросы и слухи, я постараюсь изложить те причины, которые в итоге привели меня к этому. В начале скажу о самом главном. Я являюсь и остаюсь православным христианином, во всей полноте принимаю православный Символ веры, я не ухожу из Церкви, как уже начали говорить некоторые. Ощущая нравственную невозможность для себя далее участвовать в системе лжи, лицемерия, бесправия, страха и расправ, именуемой церковными отношениями в нашей Красноярской епархии, я почел лучшим для спасения своей души и сохранения самых главных сокровищ, данных мне Богом: веры и моей семьи, оставить священство и далее пребывать в Церкви в качестве мирянина, памятуя о том, что все христиане с момента крещения составляют «царственное священство». Зная это учение Древней Церкви (которое по невежеству часто смешивается православными с протестантским учением о Церкви) и считая средневековым искажением учение о священстве как особой касте жрецов — посредников между Богом и мирянами с разделением верных на «клир и мир», на «посвященных» и «непосвященных», мне достаточно этого всеобщего священства верных.

В меру моих сил я нес возлагаемые на меня послушания, совершал богослужение и требы, стараясь не давать повода для публичного порицания ни в пьянстве, ни во властолюбии, ни в сребролюбии, храня супружескую верность и занимаясь воспитанием детей. В то же время я осознаю в той мере, какую дает мне Бог, свою греховность, немощи и несовершенство, и вовсе не ставлю себя выше собратьев по служению. Но осознавая полную ответственность за мою малую Церковь — семью и будучи поставлен перед необходимостью ее защиты от архиерейского произвола, заботами о будущем своих детей, я делаю этот тяжелый для себя выбор, принимая перед лицом Бога все его последствия.

Сослужа с теми священниками, которые в свое время сделали подобный выбор в пользу архиерея и разрушили свои семьи (и каждый раз вина всецело возлагалась на гордую и несмиренную матушку, которая с малолетними детьми не захотела ехать в какую-нибудь глушь, где нет ни школ, ни больниц), став второбрачными и продолжая служение, или же без заключения нового брака, я не считаю, что подобное послушание угодно Богу и спасительно для души. Тем более я не считаю, что мой поступок более

соблазнителен для верующих, чем подобное продолжение служения. Моя супруга, являя христианское смирение и любовь, следовала за мной и разделяла мои тяготы и горести, выпадавшие на нашу долю вплоть до смерти нашего ребенка несколько лет назад. И я уверен, что и в будущем она всегда будет рядом со мной, что бы ни встретилось на нашем жизненном пути. Но, зная это, я не хочу подобной жертвы от самого любимого мной человека и тем более не хочу приносить в жертву будущее моих детей той церковной системе, которая в лице архиерея и его помощников относится к людям как к расходному материалу и средству для достижения своих целей.

Полное бесправие духовенства, его крепостное состояние и вытекающий из этого архиерейский произвол, целью которого чаще всего становится укрепление собственной власти, запугивание священников, расправа с непокорными и неудобными, и организация системы выкачивания денежных средств с приходов, обрекающая их на деградацию в итоге поставили передо мной эту тяжелую дилемму.

Мой поступок связан вовсе не с недостатками отдельных представителей священноначалия. Идеальных людей и отношений между ними нет, и все мы имеем те или иные слабости. Подобное понимание церковных нестроений и меня до определенного момента мирило с нашей удручающей реальностью. Мой протест направлен именно против той выстроенной системы церковных отношений, которая, по моему мнению, не имеет ничего общего с Евангелием Христа. Оставаясь в ней далее и идя на каждодневные сделки со своей христианской совестью, можно, в конце концов, полностью утратить все свои жизненные принципы и идеалы, нравственно деградировать и прийти к духовному краху. Проявляя же несогласие, на многих примерах я вижу один и тот же финал: то же самое исторжение из церковного служения.

Самым ярким примером для меня, во многом, в конечном счете, повлиявшим на мой выбор, стала ситуация с о. Виктором Пасечнюком в нашей епархии. После невнесенных 150 тыс. с нищего прихода на именины митрополита он был поставлен штатным священником после 20 лет настоятельства на свой же приход, а настоятелем ему был назначен только что рукоположенный в спешке о. Георгий Потылицин, низкий нравственный уровень которого ни для кого не был секретом. Спустя полгода новый настоятель попал в гомосексуальный скандал. Все письма и ходатайства прихожан с просьбой разобраться в данной ситуации, дважды выходившей в СМИ федерального уровня, вплоть до митинга детей войны, бедных, больных старух, их слезы, все это осталось без ответа епархии. Ничто не

могло разжалобить окаменелое сердце архиерея. И награждение митрополитом Пантелеимоном в последнюю Пасху о. Георгия Потылицына окончательно показывает всем, чью сторону он занял и что ждет любого несогласного в подобной ситуации.

Когда все подобные случаи покрываются молчанием, то в какой-то момент начинаешь испытывать нравственную невозможность для себя мириться с этим. В то же время я знаю, какие последствия будет иметь мое публичное выражение несогласия. Все этапы этой школы смирения со стороны священноначалия я прекрасно знаю, а отчасти и проходил, поэтому никакого желания тратить время и душевные силы на нее у меня нет, тем более что финал будет тем же самым: скитание по глухим нищим деревням, запрет, лишение сана. Поэтому я полагаю, что лучше будет предварить эти события и уйти самому добровольно, не обременяя мое священноначалие поиском канонических причин и не ввергая в грех лжесвидетельствования, как это многократно было по отношению к о. Виктору Пасечнюку. Церковь Молчащая — это общее состояние нашей современной церковной жизни. Ложь растлевает, а молчанием предается Бог.

Когда мне говорят о том, что все это частности, а главное — это Христос, и ради верности Ему стоит смириться, занимаясь только своими обязанностями, то я не понимаю, как можно оставаться верным Христу, ежедневно нарушая верность Его Евангелию, попирая евангельскую правду. И потом с амвона и на светских мероприятиях рассуждать про заповеди и поучать других?! Ведь это же лицемерие, неужели это непонятно, что это нравственно невозможно, недопустимо, когда твоего собрата в это же время смешивают с дерьмом, разрушают все его труды, обрекают на нищету и изгнание. И молчать об этом, но зато пылать праведным гневом, рассказывая об однополых браках в Европе, зная зачастую по именам священников и епископов с подобной ориентацией в своей церкви.

Когда мне говорят о том, что все это не твоего ума дело, а ты служи у престола, миссионерствуй, проповедуй, никто тебе в этом не мешает, то это тоже неправда. Что бы ты ни делал в церковном служении, ты неизбежно утыкаешься в одну и ту же непробиваемую стену.

Одной из саднящих мою душу ран за годы священства стали требы. Если отпевание неверующих еще как-то можно с грехом пополам оправдать (в конце концов это всего лишь молитва о даровании Царства Божия), то крещения и всевозможные освящения становятся чаще всего потаканием обыкновенному язычеству. И ты не можешь этого не делать, потому что или

как штатный священник ты обязан это делать за послушание, или как настоятель ты должен на что-то содержать храм и совершать денежный взнос в епархию. Как проповедовать, при этом умалчивая о всем самом важном и болезненном для людей? Как миссионерствовать, скрывая от новообращаемых церковную действительность? Как пастырствовать, зная, что созидание общины на демократических началах, с полными приходскими собраниями, с хозяйственными и финансовыми отчетами на них, с участием прихожан в полноценном решении приходских проблем невозможно? Притом осознавая, что тебя в любой момент могут перевести, а общину бросить на растерзание и уничтожение. Как заниматься социальным служением, когда на приходе невозможно создать никакого бюджетирования с планированием расходных статей на помощь хотя бы членам общины, когда деньги выкачивает епархия? Не раз мне приходилось наблюдать картину, когда приходит в церковную лавку верующая женщина с просьбой помочь ей в тяжелой жизненной ситуации, а ей говорят, что ничем помочь не можем, вот разве что можете что-нибудь взять из пожертвованных вещей. (Зная при этом о новой панагии митрополита с драгоценными камнями, до которых он большой охотник.) Как можно серьезно говорить о развитии воскресной школы, когда на все нужно искать деньги, а за весь труд педагогов расплачиваться лишь «спаси Господи». И как тянуть какие-то просветительские проекты, когда тебя сжирает требоисполнительство и вечный поиск денег? Сколько благих начинаний в нашей епархии захирело или превратилось в чистую показуху! Когда вместо подлинного христианского просвещения, где Евангелие было бы основой жизни верных, постоянно заливается уже давным-давно прокисший компот из обрядоверия, магического отношения к старцам, чудесам, мощам и иконам, начинаешь уже подозревать, что это следствие корыстного интереса.

Внутрицерковная коррупция разрушает, разъедает как кислота всякие христианские отношения. Она учит льстить, завидовать, ненавидеть и пресмыкаться. Уже скучно писать о денежных конвертиках, собираемых митрополитом Пантелеимоном и его свитой с приходов при их посещении, о постоянно растущих денежных взносах в епархию, при полном отсутствии всякой отчетности епархии о собранных средствах. На одном из епархиальных собраний бухгалтер епархии как-то отчитывала настоятелей-задолжников: «Если у вас нет денег, значит вы плохие священники, вы плохо миссионерствуете, не умеете привлекать людей, не умеете работать со

спонсорами. Тогда лучше уходите, найдем вам замену». И об этом тоже надо молчать.

Проходя священническое служение с 2012 года после окончания Московской семинарии все последние шесть лет по провинциальным городкам и весям, я так и не увидел, что моя Красноярская епархия действительно заинтересована в христианском просвещении, и, как следствие, нашем с матушкой образовании, которое мы могли бы отдать на благо Церкви (мое светское университетское, духовное — Московская семинария, у матушки — Свято-Тихоновский университет). За годы тебе становится ясным, что нужны не образованные священники, а услужливые и исполнительные. Ни в какие просветительские проекты епархии мы не были вовлечены. Мои попытки создания библейских кружков на глухих приходах оканчивались ничем просто в силу преклонного возраста прихожан в сельской местности. Возникает просто ощущение твоей ненужности, лишности. В двух последних благочиниях, где я служил, благочинные, дабы не морочиться с приходскими библиотеками, просто передали их в светские библиотеки: «сохраннее будет».

Вместо церковной интеллектуальной дискуссии по действительно важным проблемным внутрицерковным вопросам предлагается не мудрствовать лукаво, не будоражить сознание людей. Такой охранительный консерватизм уже был в истории русской церкви, и он имел крайне плохие последствия. Когда наглухо заколачиваются окна свободы мысли и совести, воздух церковной жизни становится невозможно спертым, смешиваясь до тошноты с вонью заношенных портянок церковного национализма, антисемитизма, западненавистничества, разговоров про жидомасонские заговоры и мировое правительство, старцев, чудеса, всевозможные страхования. В какой-то момент становится просто невозможным дышать всей этой отравляющей твой разум смесью. Попытка же внутренней эмиграции, к которой прибегают некоторые священники и в которую нередко уходил я, занимаясь самообразованием, изучением английского, спортом и т. д., в конце концов, порождают раздвоенность твоей жизни, которую становится тяжело нести. Эту раздвоенность, но иного характера, мне приходится часто наблюдать в священнической среде: показное благочестие в церковной ограде и светская жизнь с ее удовольствиями и свободой вне ее. Не лучше ли быть честнее?

Не раз и не два из уст священноначальствующих мне доводилось слышать сталинскую фразу: «Незаменимых людей у нас нет». (Неужели Христос кому-

то из апостолов так мог сказать: «Вы там поусерднее обходите города и веси, а то знаете, незаменимых людей у Меня нет»? Если для Христа незаменимой оказалась та единственная несчастная сотая овца, ради которой Он пошел в адские пропасти и которую Он мог бы заменить 99-ю ничем не отличающихся от нее овец.) И видеть, как в назидательно-воспитательных целях и мирян, и священников, достойных во всех отношениях, посвятивших себя служению Церкви, много потрудившихся и немало достигнувших, делали ничем просто потому, что в чем-то они выражали свое несогласие. Каждый, получающий милости и привилегии от архиерея, знает, что его могут заменить и он может стать ничем. И особое рвение, и преданность это порождает в тех, кто всего этого добился не своим умом и способностями, а пресмыкательством и интригами. Можно наблюдать немало этих архиерейских ставленников без образования, благочинных и настоятелей из его свиты, которые прекрасно понимают, что их будущее всецело зависит от воли архиерея, без которой своими собственными силами и способностями они бы в жизни никогда не добились такого положения, власти и денег. И чтобы удержаться на своем месте, они часто готовы пойти на любую подлость. Епископы, поставляя из грязи в князи, тоже в этом заинтересованы, потому что это гарантирует им зависимость подчиненных. А чтобы ее усилить, применяется классический принцип: разделяй и властвуй. В нашей Красноярской епархии это прекрасно видно: разжигаемая сверху вражда между собой благочинных, настоятелей, когда кто-то из них становится мальчиком для битья, а кто-то вдруг осыпается милостями, после чего все меняется. Разделение такое, что не только каждый сидит в своем благочинии как барон в феодальном владении, но и пытаюсь продвинуться вперед, старается навредить соседу.

За последние годы лишь отчетливее обозначилось социальное расслоение и имущественное неравенство в церковной жизни: в одном благочинии может находиться священник, который летает отдыхать на Кипр и передвигается на люксовом авто, и священник, который подрабатывает вечерами таксистом. И это напрямую касается семей духовенства. Если, условно говоря, первый, завоевавший себе место под архиерейским солнцем и живя в городе, за всю жизнь прочитавший от силы пару книжек, отдаст своих детей в приличную школу, на всевозможные кружки, его дети смогут получить музыкальное, художественное образование, то что может дать священник с тремя высшими образованиями, для которого образование является действительно ценностью, своим детям, запертый в деревне? Куда они потом смогут поступить и на что их он будет учить? Поэтому меня не трогают эти призывы

всецело отдать себя Церкви. Я их слышу не из уст людей вроде покойного о. Павла Адельгейма, а от тех, кто обеспечивает за счет моей судьбы и судьбы моих детей свое безбедное и успешное будущее.

Все чаще мне приходится слышать перетолковывание образного выражения «воинство Христово» в прямом смысле: Церковь — это армия, и отношения должны строиться по военному образцу. Я год прожил в свое время в казарме, и я знаю, что такое армия. Я знаю, почему для священноначальствующих это было бы идеалом: «Приказы исполняются, а не обсуждаются». И я не хочу жить в казарме и все время безмолвно маршировать в ногу.

Оставаться в статусе заштатного священника, в запрете или же искать возможность перевода в другую епархию я не считаю для себя возможным. Последние годы размышлений над современными церковными проблемами привели меня к неутешительным выводам. Они общи для всей русской церкви. Глупость и жадность земных ее управителей-епископов, совковая архаичность их сознания, боязливость и безволие в решении этих проблем, нежелание взглянуть реальности в глаза, недальновидность выбранного курса с сервилизмом по отношению к светской власти — все это привело чаемое возрождение к разворачивающемуся масштабному церковному кризису, результатом которого будет усиление идущей деградации и скатывание на самую обочину общественной жизни. Невозможно на почве царящей лжи, лицемерии и несправедливости церковных отношений созидать действенную евангельскую жизнь.

Я остаюсь, тем не менее, в Церкви, желая продолжить служение веры, зная, что в ней все же пребывает Христос, что он возвращает в ней среди плевел и свою пшеницу. За эти годы я встретил множество простых искренних жертвенных верующих, с которыми я сроднился. Внутренне я отношу себя к «кураевскому призыву»: книги о. Андрея и личное общение с ним в далеком 2006 году после лекции в п. Курагино, его совет поступать в Московскую семинарию перевернули всю мою жизнь сельского учителя. В своих книгах и лекциях он показал для меня удивительную глубину христианской мысли, евангельского учения. Именно зароненное им желание потрудиться на ниве христианского просвещения вдохновили меня на возвращение в Сибирь из Москвы. Реальность оказалась иной. Теплую и благодарную память я храню о крестившем меня о. Александре Васильеве, духовном чаде о. Геннадия Фаста.

Все изложенное не повод для уныния. Праведные в Церкви подобны тончайшей хрупкой паутинке, которая совсем не видна, но стоит на нее упасть лучу Божьей правды, как она заискрится. Пока я вижу и встречаю таких людей, я укрепляюсь надеждой.

Пожалуй, добавлю, что мне не хочется выставить себя какой-то жертвой или же несправедливо обойденным и неоцененным. Я ясно осознаю, что у меня одна земная жизнь, дошедшая до половины, одна семья и будущее, которое может быть очень разным. Я, как песчинка, совершенно беззащитен перед крушащим молотом церковной системы, и я не могу защитить против ее произвола мою семью. А жить далее в страхе, лицемерии и молчании становится просто невозможно. Из соображений обыкновенного здравомыслия я поступаю подобным образом. Я не ощущаю в себе надлома, краха и чего-то подобного. Ведь «незаменимых людей у нас нет», и митрополия без меня обойдется и даже не заметит моего ухода. Но для моей семьи, моей жены и детей я незаменим. И этим сокровищем я жертвовать не намереваюсь ни для каких самых высокопреподобнейших святейших воробейшеств.

Так же я понимаю, что этот текст может вызвать комментарии всяческих истинно православных, которые начнут меня укорять и вразумлять. Меня это мало волнует. У каждого свой опыт и свое видение. Другому свою голову не приставишь. Все вышеперечисленное я написал для объяснения своего поступка, следующего из моего личного опыта и оценки сложившейся ситуации, а не вступления в полемику. Каждый выбирает свой путь и несет весь груз ответственности за свой выбор. Да простит меня Бог и благословит читающих эти строки.

Бывший штатный священник Красноярской епархии Олег Курзаков.

ОТЕЦ ПАФНУТИЙ СНИМАЕТ МАСКУ

Вот и настало время, когда я, отец Пафнутий, священник РПЦ, автор ряда статей на сайте «Ахилла», могу, наконец-то, назвать свое настоящее имя. Я поясню, почему для меня это важный момент, а также и то, почему я, будучи священником, начал сотрудничать именно с этим проектом.

В комментариях к статьям анонимных авторов не раз звучал упрек: какая вера может быть тому, кто себя скрывает. Мол, аноним может сочинять все, что ему вздумается. Когда я начинал писать, я вовсе не думал, что в обозримом будущем стану известен под своим настоящим именем. И вот у

желающих теперь есть прекрасная возможность, зная, кто я есть на самом деле, еще раз просмотреть мои тексты на предмет того, сочинял ли я, врал или клеветал на кого-нибудь.

Итак, мое имя — Олег Курзаков, и вся моя история довольно подробно уже известна читателям «Ахиллы» (см. предыдущий текст — прим. ред.). Поэтому не буду ее касаться, а напишу лишь об истории сотрудничества.

Как человек, не чуждый перу, я всегда хотел писать о том, что действительно важно для меня. И, став священником, я делал такие попытки. Но о чем может писать священник в церковных СМИ? О вещах, о которых уже сказано и пересказано — и дурно, и гораздо лучше, чем я могу сказать. Все должно быть умеренно-сглаженно, без называния имен, с бесконечными рассуждениями о православной жизни, возможно, даже с вроде бы замахом на дерзость и смелость, и при этом с четко обозначенной чертой, которая никогда не переступается. С изъятим регистром действительно важных и болезненных тем. Есть немало священников, которые любят поучать мирян в такой писанине, как им жить, разбираться в себе, решать свои проблемы. Это очень выгодная, комфортная и безопасная позиция. Но рядом с этим — вопиющая несправедливость церковной жизни, сломанные человеческие судьбы, тоска и отчаяние тех, кто попал под жернова церковной системы, тупость и маразм церковной власти, ее официальное вранье, страшные вывихи православной жизни и т. д. Нет, есть прекрасные и тексты, и авторы. Речь о другом. Само по себе, может, и неплохо устраивать дискуссию на каком-нибудь небезызвестном православном портале на месяц по поводу того, как готовить детей ко причастию. Но, в конечном счете, это гораздо менее важное, чем, скажем, судьба священников-инвалидов, которых церковная система выплевывает как отработанный материал. Я сам пару раз публиковался на «Правмире» с небольшими очерками, но дальше писать в таком же духе стало просто невозможно.

Зацепили же по-настоящему мое внимание полтора года назад тексты со ссылкой на «Ахиллу». Они были разные по уровню, но не уже набившие своей благочестивостью прилизанные рассуждизмы о том, как жить другим, а живые, человеческие, со своей болью, реальными судьбами. И в этом контрасте уж совсем отвратно выглядели критики «Ахиллы» из церковного официоза и ревнители архиерейских афедронов.

Первый текст, который я написал почти полтора года назад на «Ахиллу» — «Божий дом для уточки», — касался церковной коррупции. И сейчас я

считаю, что эта проблема, как и бесконтрольность и безотчетность епископской власти — одно из главных зол церковной жизни.

Собственно, мне никогда особо не были интересны какие-то личные истории со злоупотреблениями священников и епископов. С каждым может случиться что угодно. Да и человек всегда сложнее своей должности. Вот он настоятель, у которого есть любовницы, а помог твоему ребенку с лечением, хотя мог бы этого совсем не делать — и как с этим быть? За этим кроется куда более значимая вещь, о которой важно говорить в первую очередь: система церковных отношений. Кому-то думается, что достаточно поставить хорошего, правильного патриарха, митрополита и так ниже по списку — и все образуется. Я же говорю, что епископа выковывает церковная система, она отбирает и отсеивает его по определенным параметрам. Если человек не соответствует ей, он вылетает из этой обоймы. Или же приспосабливается к ней. Кому не снесет голову от такой бесконтрольной власти и денег? И кого духовно не разорят и не опустошат постоянные вынужденные компромиссы с христианской совестью?

Ну, был человек вполне себе заурядным преподавателем, скажем, в какой-нибудь семинарии. И вот его назначили епископом и отправили в епархию. «Я-то уж буду другим, уж я-то буду пионер — всем ребятам пример», — думает он. Что же от него требуется в первую очередь? Строить храмы. Как их строить без дружбы со спонсорами и властями и участия в их коррупционных схемах? Построил он храм, срочно надо туда засунуть священника. Где взять? Вот есть Федя шофер. Руки-ноги имеются, говорить может? Держи кадило! Ах, что — у этого священника больная матушка и не хочет переезжать, а прихожане не отпускают? Что за вздор! Храм без священника, не на замок же его закрывать. Он еще и не согласен??? Получай! Нужно отправлять мзду в патриархию с епархии? Не из своего же кармана! А вокруг еще куча льстецов, которые тебе непрестанно поют о твоей мудрости и праве на всевластие по отношению к подчиненным. И так далее. А уж если хочет владыка перевестись из своей убогой епархии на хлебное место, тут надо проявить рвение.

Ту же историю можно рассказать и о священнике на приходе с его мечтами о миссионерстве, просвещении и всяких сердобольных делах.

Это лирическое отступление говорит лишь о том, что проблемы современной РПЦ гораздо глубже, чем кажутся на первый взгляд. Не в пьяном попе на мерседесе дело, а в тех отношениях, которые создают подобную ситуацию.

Потом была вызвавшая широкий отклик «Исповедь анонимного священника». В то время я действительно не планировал никуда уходить. Но ожидание третьего ребенка в семье и все более открывающиеся горизонты архиерейского произвола в нашей епархии поставили вопрос ребром. О самих причинах ухода я написал довольно подробно. Добавлю, что спустя полтора месяца я ни на капли не усомнился в верности моего решения, не ощущаю ни сожаления, ни тоски по всей этой истории.

Было еще несколько моих текстов на «Ахилле». Но чем дальше, тем явственнее для меня становилось, что чем больше я буду писать, тем понятнее для священноначалия будет, кем я являюсь. И потом, это действительно не так приятно — скрывать свое авторство. Не из желания какой-то реальной известности, а из-за этого давящего ощущения вынужденности скрываться. Это просто унижительно, зная, от кого ты скрываешь свое имя. Но и другого пути у рядового священника в системе, если он не согласен с «генеральной линией партии», просто не остается. На это обычно апологеты отвечают, что ты же давал присягу, что епископ и патриарх — твои отцы, и прочее. Могу лишь ответить, что я обязывался служить Христу и Его Церкви, что и продолжаю делать, но не обязывался принимать в качестве «Символа веры» официальное вранье церковных спикеров и остальное, от чего так нудится христианская совесть.

Мне по-прежнему интересен проект «Ахилла». Хвала и честь редактору и авторам, что проект стал развиваться по тематике и качеству материалов. И для меня это сегодня единственный по-настоящему живой и свободный проект, касающийся религиозной жизни, который развивается, цитируется, «цепляет». В чем тут секрет? Авторы не получают гонораров, нет влиятельных спонсоров, как у ряда церковных СМИ, которые при таких денежных вливаниях производят лишь макулатуру сдохлыми, благочестиво-скупными материалами. Мне кажется, просто в свободе и честности.

Человек имеет право говорить о своей боли, не соглашаться, спорить. Сколько сегодня верующих и неверующих могут крикнуть из мрака своего одиночества и отчаяния, беспомощности и безвыходности вслед за Осипом Мандельштамом:

А я за ними ахаю, крича

В какой-то мерзлый деревянный короб:

«Читателя! Советчика! Врача!

На лестнице колючей разговора б!

При всей нашей зачумленности и отравленности, при тошноте русской жизни такая возможность свободного общения без лжи и лицемерия становится чудом и сокровищем.

Теперь уж Рубикон перейден. Не будет более ни отца Пафнутия, ни отца Олега. Но уж лучше быть плохим мирянином, чем плохим священником с фигой в кармане. Свою голову не приставишь другим и каждому не объяснишь свое решение. Я могу лишь сказать, что, чувствуя лично для себя несовместимость, неприемлемость ситуации, ее бесперспективность, неся ответственность за семью, лучше решиться ее кардинально изменить, чем насиловать себя и вгонять в безвыходность. Ничего хорошего в итоге из этого не будет ни для себя, ни для окружающих. Все эти истории про смирение и терпение чаще всего ведут не к духовному росту, а к безответственности за свою жизнь и к фатализму, параличу, бесконечному ожиданию, когда Бог все устроит. В жизни и без того хватает вещей, с которыми приходится смиряться и терпеть. Где тут гордыня и своеволие, а где необходимое явление человеческой свободы — каждый решает сам. Менее всего разумным я считаю передавать это решение в руки архиерея, для которого ты лишь средство для его собственных целей, и искать в этом промысел.

Это не означает, что все должны поступать подобным образом. Многообразие обстоятельств каждому создает свое уникальное положение вещей, в котором он и будет идти своим неповторимым путем.

Какой быть моей новой жизни, я еще и сам до конца не знаю. Надо мной не довлеют более возможные архиерейские казни. И обретенная свобода мной понимается в первую очередь как возможность. Возможность осуществить задуманное, то, к чему лежит душа и способности.

Я верю в то, и за эти месяцы убедился в этом, что совокупная добрая воля людей, совершенно разных по социальному положению, отношению к вере, может многое: и сотворить милосердие, и защитить от расправы, и дать надежду. И в этом я ощущаю гораздо больше христианского, церковного, евангельского, нежели в коллективных «стояниях за веру» или призывах к любви с церковных амвонов при партийной ненависти к либералам, Западу и далее по списку. И мне хотелось бы участвовать в этой общей доброй воле, имеющей силу менять действительность.

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ СВЯЗЫВАЕТ ВСЕХ КРУГОВОЙ ПОРУКОЙ

Помню, зимой я думал над тем, как придется голосовать когда-нибудь по решению о деле о. Виктора Пасечнюка. Что будет решение о лишении сана после награждения Георгия Потылицына митрополитом на Пасху, у меня было мало сомнений, хотя и хотелось верить в чудо.

Теперь уже мне голосовать не придется. Но придется всем остальным священникам из Красноярской епархии. Открытым голосованием предстоит единогласно поддержать решение епархиального суда. Оговорюсь: я никого не хочу осуждать, у всех дети, ничего уже не изменишь своим одиноким против и т.д. Просто потом же жить с этим. Говорить о Евангелии. Это правда страшно тяжелый нравственный выбор для того, у кого есть совесть.

В комментариях некоторые мне писали о том, что тысячи хороших священников же продолжают служить, а я вот ушел. Нехорошо. Тысячи добрых хороших священников, которым в свое время тоже приходилось голосовать за нечто подобное или же молчать при совершающемся явном беззаконии. Если кто-то наивно думает, что в епархии священник может жить в своем домике мимо происходящего, то спешу разочаровать. Нужно будет голосовать за решения епископа. А иначе недолгим будет твой век. В этом и коварство епископской власти, что она связывает всех круговой порукой, замазывает своей неправдой остальных.

Я не лучше. У меня и моей супруги есть светское образование, мы не пропадем. Просто вот так я не хочу. Испытывать это поганое чувство на душе. У других отцов нет такой возможности. И это насилие над своей душой — страшная мука.

ЕПИСКОП ПИТИРИМ (ТВОРОГОВ) — ОЛЕГУ КУРЗАКОВУ: «МАЛО ТЕБЕ БЫЛО СМЕРТИ СЫНА? ДАЛЬШЕ ПОШЕЛ?»

Согласитесь, редко какой священник может похвастать, что его читают в Фейсбуке архиереи, да еще комментируют. Поэтому, пользуясь такой уникальной возможностью, хотел бы ответить на комментарий владыки Питирима Творогова под постом «Отряд не заметил потери бойца» по поводу моего решения оставить священный сан.

Важно мне это по нескольким причинам, о чем напишу позже, а пока сам комментарий:

«Хватит ныть и жалеть себя! Слабак ты! Матушку свою послушался. Разве можно снимать сан из-за какого-то митрополита? Чему мы тебя

учили в семинарии? Церковное диссидентство, которым ты заразился, лечится очень сильными скорбями. Мало тебе было смерти сына? Дальше пошел? Опомнись! Перестань слушать свою взбалмошную жену. И чего это ты о себе возомнил? Все у тебя негодяи, а ты такой весь правильный и правдивый. Дух, который тебя ведет, — это дух гордыни, дух сатаны. Никакой правды в нем нет. И Адельгейм оставался до конца под действием этого сатанинского духа — дай Бог, чтобы его страшная насильственная смерть избавила его от адских мук, которые он заслужил своим „правдоискательством“. Мой тебе совет, о. Олег: возвращайся в лоно матери-Церкви — другой у нас нет и не будет! А отречься от матери за то, что у нее не все дети такие правильные, как ты, — это грех старшего брата из притчи о блудном сыне. Хватит тебе разглядывать под лупой чужие грехи и завидовать».

Собственно, в этом комментарии концентрированно выражены то видение и та манера, которые в целом присущи нашему православному священноначалию.

Владыка Питирим — мой бывший преподаватель гомилетики и классный наставник по Московской семинарии. Студентами мы его любили и были благодарны за то, что он практически единственный из преподавателей проявлял к нам внимание как наставник.

Узнав о его поставлении в епископы на незавидную бедную Душанбинскую и Таджикистанскую кафедру, я был рад тому, что появился еще один достойный архиерей. Но те его проповеди, которые стали появляться уже в епископском сане и в которых на первом месте оказалась апология священноначалия и вообще всякого начальства, стали явно свидетельствовать о прогрессирующей атрофии всего прежнего человеческого. Вот небольшой отрывок из одной проповеди:

«Осуждение начальства и священноначалия лишает нас и вечной жизни, и земных благ. Если Господь вот так решил, что я должен быть епископом в этой церкви, то эта церковь, то есть все вы, должны почитать епископа как Самого Христа... И самая большая добродетель (!!!) церковной общины, если у них нечестивый священник или епископ, а они все равно верят ему, не осуждают его и не сплетничают про него. Тогда такой общине будут такие чудеса, что Господь может обратить к покаянию и священника, и епископа».

Соглашусь, что, действительно, когда церковную общину возглавляют нечестивые священники и епископы, чудеса бывают еще какие, только что-то еще не встречал покающихся.

Первое, что меня впоследствии по-настоящему задело, была реакция владыки Питирима на убийство о. Павла Адельгейма. Мол, вот как Господь покарал за хулу на священноначалие, и все в таком духе. (Предлагаю для контраста провести такой эксперимент: послушайте проповедь о. Павла и владыки Питирима — чтобы наглядно убедиться, где дух и сила, а где лишь напыщенное пустословие.)

Теперь что касается обличения меня. Еще раз повторюсь, что свой текст о причинах ухода из Красноярской епархии я писал не для полемики, не из желания какого-то диссидентства. Я просто сказал то, о чем долго думал, и если это вызвало такую широкую резонансную реакцию, значит я задел какой-то болевой нерв для многих. Значит об этом важно говорить.

Конечно, я рад, что сайт «Ахилла», ссылку с которого на мою статью я сделал, теперь читают и архиереи. Не грех, значит, и простым смертным православным почитать.

Не то, чтобы я щепетилен насчет своей персоны, но это навязчивое «тыканье» мне со стороны архиерея кажется, мягко говоря, не совсем вежливым. Все же на брудершафт не пили и на «ты» не переходили.

Обещание скорбей от Бога — это такая излюбленная тема многих священноначальствующих. Красноярский митрополит обычно обещает болезнь рака. В одной из оказавшихся в сети аудиозаписей священник прямо рассказывает, как владыка Пантелеимон обещает специально помолиться, чтобы Господь наслал рак по его молитвам на всех недовольных. Так что мы привыкли.

Теперь насчет того, «чему мы тебя учили в семинарии». Довольно смешной на самом деле риторический вопрос, потому что моими преподавателями были о. Андрей Кураев, обличаемый владыкой во всех ересьях Алексей Ильич Осипов, глубоко чтимый мною и всеми студентами профессор истории Владимир Дмитриевич Юдин, мой научный руководитель профессор Николай Константинович Гаврюшин. Так вот, эти преподаватели учили меня свободе христианской совести, верности в первую очередь евангельским заповедям, а не архиерейским циркулярам; прямоте и честности. Тому и научили, хотя не скажу, что мне всегда в жизни хватало смелости так поступать.

Насчет моей «взбалмошной жены», которую я якобы «послушался». Тут, конечно, прозорливость владыки Питирима оставляет желать лучшего. Супруга моя все эти годы без ропота помогала мне в моем служении, и

решение принимал я, исходя из блага моей семьи. То, что она согласилась, означает, что мы едины в понимании ценности нашей семьи. Я понимаю, что для архиереев главным врагом чаще всего являются матушки священников, которые не дают бросить своих мужей под танки и на амбразуры, и сделать из них абсолютно послушные и на все готовые орудия архиерейского промысла. Но, увы, матушки присяг не давали, и материнское чувство в них пока живо и действенно. Вообще, это очень яркая иллюстрация лицемерия церковных отношений: владыки постоянно говорят с амвонов о ценности семьи, о необходимости ее укрепления — и тут же без всякой жалости готовы принести семью священника в жертву своим интересам «ради блага Церкви».

И не все у меня негодяи, и не один я правильный и правдивый, о чем я специально писал в своей статье. Опять же избитый прием подобного обличения — это предположение самых худших мотивов: гордыни, зависти, сребролюбия. Ну почему хоть раз нельзя предположить, что хоть у кого-то бывает порыв более высокий? Пусть это порыв наивного идеализма или утопического искания справедливости? Как там святые отцы пишут про тех, кто в других видит в первую очередь плохое? Огромное количество простых верующих и священников выразили мне лично и в комментариях слова ободрения, не пускаясь в осуждение меня. И я думаю, это прекрасные сыновья и дочери Церкви, которые с болью восприняли мое решение и по-человечески отнеслись к моей семье.

Насчет «лона Церкви» (одно из самых, по моему мнению, стилистически ужасных выражений церковного языка). Никуда я из Церкви не уходил и не собираюсь. Я остаюсь в Ней. Даже извержение из сана по канонам не может само по себе повлечь отлучение от причастия. Ни ереси, ни раскола я не проповедую. Когда говорят, что мои слова вводят в соблазн верующих и отклоняют кого-то от Церкви, то я хочу спросить: это я виноват? Не архиереи со своими помощниками, которые насаждают внутрицерковную коррупцию, поставляют и покрывают таких священников, от которых как от чумы разбегаются люди, и т. д.? А вы думаете, что́ будет, когда, наконец, весь этот заметаемый под архиерейские коврики сор хлынет в информационное пространство, каким это будет ударом и соблазном?

У каждого свои грехи, но это не причина того, чтобы молчать о внутрицерковных болезнях. Хотя это и любимый аргумент подобного рода: смотри, мол, за собой, а что вокруг, тебя не касается. Апостол Павел призывает вовсе не молчать, а и обличать: «Согрешающих обличай перед

всеми, чтобы и прочие страх имели», «не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте».

Так что я остаюсь православным христианином и вашим молитвенником, желающим вам спасения.

Попрекать же меня смертью моего ребенка — это не сделали даже авторы самых резких комментариев. То, что это делает лишь русский архиерей, это совпадение? Не думаю.

О себе мне что-то трудно возомнить, я был никем и стал никем. Через месяц многие забудут уже об этой истории и обо мне.

Я хотел бы пожелать в свою очередь владыке Питириму чуточку больше мудрости и милосердия. У него свое тяжелое церковное послушание, которое, дай Бог, ему совершить без преткновения. Благословен Господь Бог милующий.

САГА О СТАРОМ ПОДРЯСНИКЕ

За делами было недосуг прокомментировать одну писульку обо мне в красноярской епархиальной газете.

Опус называется «Церковный дезертир». И построен он в виде диалога двух сплетничающих бабок, которые где-то что-то слышали и теперь вот излагают события. Автором такой «оригинальной» подачи является некая Юлия Швейцер, данных о которой я не смог обнаружить (обычно из-за ссыкливости под такого рода материалами в епархиальной газете пишут под псевдонимами, но если, Юлия, я ошибаюсь, то чего ж вы хотя бы мне не написали, чтобы взять мой комментарий и уже работать с ним, а не пользоваться слухами?). Так вот, Юлия, с возможной рыжей бородой и пузиком, хочу сказать вам и вашему начальству, что подобная подача материала просто даже не дно, а днище, позорное для газеты, именующей себя «Православным словом Сибири».

Я-то внутренне приготовился к тому, что сейчас меня припрут к стенке богословскими аргументами, но уровень наших епархиальных швондеров-швейцеров пока далеко не таков. Начинается речь обо мне с самого, видимо, для сих благочестивых бабок страшного моего проступка. Баба Таня ошарашивает бабу Галю: «Я чего вспоминала-то, про попа канского. Наш-то, местный, в Степном, слышала, может? Ни свет ни заря, уехал. Петухи еще не проснулись, а его и след простыл. Вещи все свои забрал, и был таков. С

семьей уехал, да. А подрясник — страшно сказать, — в мусорное ведро выбросил». (От себя добавлю, что в свете современной церковной истории во избежание ненужных аллюзий я бы не советовал писать про еще не проснувшихся петухов.)

Итак, по задумке автора, благочестивый и богобоязненный читатель, видимо, должен представить себе, как я дослуживаю литургию, потом яростно срываю с себя подрясник и выбрасываю его, а затем, гордый и красивый, иду в трусах по поселку навстречу своей новой судьбе.

Представить — и похолодеть от ужаса! Увы, разочарую. Это вот такой излюбленный уже прием у епархиальных писак: извратить и раздуть самый ничтожный факт. Если кто помнит, так же была подана история с пылесосом у о. Виктора Пасечнюка. Светские дураки-журналисты уже понесли потом писать в том духе, что священника лишили сана за то, что он пылесосил престол.

Теперь вот мне приходится вести апологию по поводу подрясника. Не мусорное ведро, а корзина для сжигания церковных записок, старых газет и вещей, побывавших в церковном употреблении, в которую я бережно сложил, а не выбросил, свой самый старый заношенный подрясник, чтобы его не выбрасывать в общий мусор. Подобную хрень на плетень мог навести только мой благочинный, за что ему многая и благая лета.

Отдельное спасибо автору, что почтил на епархиальном уровне сайт «Ахилла».

В общем-то, далее особо и нечего комментировать, так как идет переливание из пустого в порожнее. Причину моего поступка автор ищет в некоей обиде, которую он не находит. И правильно. Потому что не в обиде дело. Дело не в том, что меня как-то не оценили. Вообще, поражает эта неспособность православного священноначалия поверить в то, что человеком могут руководить не одни лишь самые худшие мотивы обиды и гордости. Если епархиальные власти включают дурачка и недоумевают, отчего же я ушел, раз все так цветет и пахнет, так я могу пуститься в изложение фактов с фамилиями и датами, которые были бы прекрасной иллюстрацией подлинному положению в Красноярской епархии. Хотите? Я не стал опускаться до этого уровня, но, поверьте, и без меня все это церковное дерьмо всплывет на поверхность рано или поздно. Копаться в нем, в отличие от любителей порыться в корзине со старым подрясником, у меня нет охоты. Вам с этим жить, дорогие мои, и вам с этим идти на суд Божий. Мне и моих грехов хватает.

ВАШИ ПАНАГИИ НЕ УТЯНУТ ЛИ ВАС В БЕЗДНУ?

*Открытое обращение к митрополиту Красноярскому и Ачинскому
Пантелеимону священника Олега Курзакова*

Ваше высокопреосвященство!

Прочитав ваше публичное обращение ко мне, я почел долгом для себя ответить так же открыто, потому что затрагиваемые вопросы касаются не частных проблем и не личной жизни, а церковных отношений. Для внешних ваши слова могут показаться исполненными любви и искренней скорби по поводу моего решения, но Господь призывает нас смотреть не на слова, которым я за годы священства уже почти перестал верить, а на дела и плоды служения Богу и ближним. Заранее прошу извинить, если мой ответ покажется вам резким и непочтительным. Мне не пристало поучать и наставлять вас, как старшего по летам и положению. Я хочу лишь выразить те мысли, которые возникли у меня после ваших слов, дабы внести ясность в сложившуюся ситуацию.

От вас, как от епископа, зависит характер и направление всей епархиальной жизни: кого вы назначите своими помощниками, какого достоинства будут рукоположенные вами священники, как будете управлять и распоряжаться церковными средствами, какие главные направления выберете в качестве реальной деятельности, а не пустых деклараций, какие отношения установите с подчиненными, какой пример духовной жизни будете подавать пасомым. Да, мы неидеальны, у всех нас есть немощи и недостатки, но есть определенная грань, за которой эти немощи начинают сказываться на окружающих и действовать разрушительным образом на церковную жизнь.

В 2012 году я был рукоположен вами в священный сан и за это время успел послужить в трех благочиниях, так что смог получить общее представление об епархиальной жизни. За эти годы я встретил много добрых и отзывчивых верующих, священников-тружеников, но помимо этого есть такие стороны епархиальной жизни, которые, к сожалению, и епархию, и ваше окружение, и вас, как епископа, не только характеризуют с сомнительной стороны, но и порождают боль недоумения и горькое разочарование.

Обычный прихожанин или светский человек зачастую видит только внешнюю сторону церковной жизни: позолоту иконостасов, торжественные архиерейские богослужения. Вы в дни вашего тезоименитства или посещения приходов слышите бесконечные льстивые речи, в которых вас

превозносят священники. Но давайте отодвинем эту внешнюю завесу елейных улыбок, лести и мнимого благочестия (потому что истинное благочестие для христианина заключается не в умении истово креститься или красиво взмахивать кадилом, а, по словам апостола, «чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак.1:27). Будем откровенны, как бы ни горька была эта правда. «Время молчать, и время говорить» — наставляет нас Экклезиаст. И когда попирается евангельская истина, когда за белое выдается черное, превозносится ложь и преследуется правда, приходит это время.

Ваше ближайшее окружение, прибывшее с вами и держащее в руках главные нити управления, контролирующее финансовые потоки, в епархии называют «орловскими». Местные священники его ненавидят или презирают. Саму же архиерейскую власть за эти годы вашего пребывания на красноярской земле простые священники воспринимают подобно монголо-татарскому игу с его данью-поборами и управлением, основанным на принципе «разделяй и властвуй». Целенаправленно разжигается вражда между благочинными, ведущими феодальные войны за обладание доходами и вашими милостями. Ненависть благочинных друг к другу, их доносы вам и интриги вовлекают в эту гниющую рану священников и прихожан, раздирают единотканый Христов хитон церковного единства.

Из подобного управления следует ваше отношение к священникам и к поставлению во священство. Темные истории с самоубийством и убийством священников Минусинского благочиния в 2016 году — явный признак духовного неблагополучия нашей епархии.

Угрозы и преследования, несправедливые обвинения священников стали нормой. Несколько лет назад минусинским благочинным о. Евгением Нещеретом в церковном воровстве обвинялся священник Иоанн Морозов. Вы выступили с видеообращением, где заняли сторону благочинного. Вы сказали тогда публично: «Это высшая степень лицемерия и высшая категория лжи. Вряд ли он по-настоящему был в рядах православного духовенства. Мне кажется, что он заодно с дьяволом». И что же? Священник выиграл светский суд, расправа не удалась — но и никаких извинений принесено не было, а священник служит сегодня в епархии. Он уже не заодно с дьяволом?

Я вновь обращаюсь к вам по поводу лишения вами сана о. Виктора Пасечнюка, взываю к вашей мудрости и совести! Отмените свое решение! Оно позорным несмываемым пятном ляжет на вас. Переступите через свое

уязвленное самолюбие и явите великодушие! Вы призваны Богом вершить справедливый суд, но разве можно назвать судом назначенную вами комиссию, которая в угоду вам игнорирует явные факты? А потом еще вынесенное решение (как во времена советских партсобраний) утверждается на епархиальном собрании единогласным публичным голосованием священников (поднятием рук). Если уж есть необходимость в этих голосованиях, то сделайте их тайными — и станет меньше лжи и насилия над совестью.

К чему вам защищать тех подчиненных, участвовавших в этом деле расправы над честным священником, которые втайне презирают вас, обманывают, смеются над вашими недостатками? Которые в будущем опозорят еще не раз и епархию, и вас лично. Вы не ответили ни на одно из обращений о. Виктора и коллективных писем прихожан Каратузского храма, никак не отреагировали на пикет детей войны, их слезы и просьбы. А теперь недоумеваете, почему я к вам не обратился как к духовному отцу!

Дело с запретом священника Петра Боева и дьякона Иоанна Логинова тоже свидетельствует о том, что вы, как епископ, призванный управлять епархиальными делами, не разрешили вовремя эту ситуацию, которая в конце привела к подобному конфликту, разделению и вражде. За этим частным конфликтом кроется куда более серьезная проблема: ваша попытка привести всех священников к беспрекословной молчаливой исполнительности.

На одном из епархиальных собраний вы заявили, что не должно быть никаких разговоров со стороны священников по поводу проблемы церковнославянского языка в богослужении и подобных вопросов. Но богословская мысль невозможна без полемики, без живого обсуждения проблем. Если о них не говорить, они не исчезнут, а лишь усугубятся. Борьба же со свободным высказыванием и обоснованной критикой ведет лишь к торжеству и засилию невежества, которое сегодня явно можно наблюдать в епархиальной жизни.

И на фоне всего этого обещается в неопределенном будущем открытие Красноярской семинарии. Но кто будет в ней преподавать, если образованные священники оказываются изгнанными, а свобода мысли и слова уничтожена?! Вы окружили себя молодыми помощниками, часто не имеющими образования. Ваша кафедра находится в огромном университетском городе. Кто из ваших священников читает хоть один систематический курс в каком-либо институте Красноярска? Достаточно

посмотреть на фотографии с богослужений в кафедральном Христорождественском или Покровском соборах, чтобы увидеть, что на них стоят в основной массе пожилые люди. А для образованной, ищущей ответы и честного разговора молодежи просто не остается места. На город-миллионник набрался лишь малочисленный епархиальный молодежный клуб, который кроме выездных пикников так и ничем значимым не проявил себя.

Ваше содержание и ваши визиты ложатся тяжелым бременем на приходы, большинство из которых находятся в нищей сельской глубинке. Они и так еле-еле сводят концы с концами, отказывая в помощи просящим из-за отсутствия средств. Не показной пышности и роскоши хотят верующие, видя вас, а примера умеренности и скромности. В современном мире дико носить напоказ золотые бляхи с драгоценными камнями на полживота. Не это угодно пречистой Божией Матери! И это невозможно оправдать уже традицией или церковной необходимостью, когда в стране вопиющая нищета миллионов ее граждан.

Какой пример подается священникам и иподьяконам на трапезах, устраиваемых в вашу честь! Деликатесы, дорогие вино и водка ведут к чревоугодию и пьянству. Присутствуя на этих трапезах, мне всегда было тягостно видеть, как на ваших глазах объедаются и упиваются юные иподьяконы, а в это время в вашу сторону звучат льстивые и неискренние речи о вашей мудрости, монашеской ревности и духовности. Не верьте им! Рядовые священники, обираемые вами, и держимые в страхе наказания благочинные не любят вас и не уважают. Лесть же и лицемерие скрывают лишь страх, неприязнь и презрение.

Архиерейские службы на приходах становятся не временем духовного единства и молитвенности, а того же страха и угодничества, когда каждый боится вас чем-то прогневить и услышать в свой адрес окрик, который порой переходит в ор, приводящий в ужас молящихся в храме прихожан. Когда вы уезжаете, все вздыхают с облегчением, доедая остатки архиерейской трапезы и снимая нервное потрясение оставшимся алкоголем.

Отмените вашу практику собирания денежных конвертов при посещении приходов. Это просто стыдно и недостойно православного архипастыря! Настоятель должен одарить конвертиками еще и всех служащих с вами, не забыть конвертиком поблагодарить вас за очередную церковную награду. Наряду с этим существуют еще и самые различные растущие поборы, как плановые, так и экстренные, когда порой подчистую после больших

православных праздников выгребаются пожертвования прихода на неведомые и все растущие епархиальные нужды.

Особую слабость вы питаете к панагиям, которых можно насчитать десятки на фотографиях с ваших богослужений. Лично я слышал от честного и порядочного православного ювелира о вашем заказе на изготовление панагии стоимостью 5 миллионов рублей, средства на которую были взяты из епархиальной кассы. И даже если их вам дарят, то ведь не вам лично, а вашему сану! И в этом ли красота служения Богу?! Одумайтесь! При нищете подавляющего числа прихожан, которые несут зачастую последнюю копейку в Божий храм, миллионы уходят на никому не нужные драгоценные побрякушки. Не славу и почет они вам приносят, а дают лишний повод для осуждения священнослужителей, да привлекают воров и разбойников, которые зарятся на блеск драгоценных камней и которых бояться приходится больше, чем Бога. Сколько вдовьих и сиротских слез вы могли бы отереть милостями с этих средств! И, свешенные все на вашу шею, на Страшном Суде не утянут ли они своей тяготой в адскую бездну? Ведь вы уже не молоды, и венец вашей жизни мог бы быть прославлен милостыней и нестяжательством! Само ваше монашеское состояние и имя вызывают к этому. А эти многочисленные букеты цветов, что вам дарят, каждый стоимостью в несколько тысяч! Через несколько дней все это уже оказывается на помойке. Неужели кого-то обидит или вас будут менее чтить, если вы откажетесь от этой бессмысленной траты церковных средств, которые могли бы пойти на благо?!

Понимая, что требования по отчетности задаются патриархией, все же хочется озвучить тот стон и вопль приходских священников по поводу этих бесконечных и большей частью бессмысленных отчетов, бюрократизации, необходимости заниматься очковитерательством и показухой, чтобы им соответствовать. Мы, священники, вынуждены вам врать, и это бумажное вранье подается как церковное возрождение и расцвет церковной деятельности! Кому нужен этот обман?

А что можно сказать о духовной жизни епархии, когда главный ее Успенский мужской монастырь, за стенами называемый «шаталовой пустыней» и «проходным двором», давно стал притчей во языцех. Проходя в нем богослужебную практику, я был поражен тому, как в этом месте нередко можно стать свидетелем ора и ругани с матерщиной, пьянства, доходящего до драк. Ваш личный протодьякон может обматерить хоть в алтаре.

Хотел бы особо подчеркнуть, что все вышеозначенное я написал не для обличения вас или выставления себя в выгодном свете. Это лишь примеры, поясняющие, почему я не вижу для себя более смысла находиться в штате Красноярской епархии, чье будущее мне представляется печальным.

Наша привычка обходить острые углы и скрывать проблемы за высокопарными словами о любви и добре ни к чему хорошему не ведет. Невозможно молчать об очевидном! Вопреки официальному церковному славословию о церковном возрождении я, как еще официально не лишенный сана священник и историк, утверждаю, что церковный корабль под управлением вас, епископов-кормчих, идущий в фарватере безумного государственного курса, приближается к своей скорой катастрофе. Растущие раскаты коррупционных скандалов, в которых замешаны церковные структуры, есть лишь начало ее. «Не надейтесь на князей и сынов человеческих!» — призывает нас пророк. В трудное время исчезнет помощь богатых спонсоров и чиновников. И на кого тогда опереться Церкви?

Для подлинного возрождения церковной жизни необходимо совсем иное: не дорогостоящие иконостасы и богослужебные облачения, а возрождение церковной соборности с полноправным участием в церковной жизни народа Божьего, который сегодня полностью отстранен и мертв в своих правах и возможностях повлиять на церковные дела. И именно простых прихожан, их активности, силы более всего и боятся архиереи. На одном из епархиальных собраний вы опять же сказали, что если за священника будут приходить ходатайствовать верующие, то вы будете его сразу отправлять в запрет, чтобы другим было неповадно. Приходские собрания, которые должны проводиться регулярно, не проводятся, а протоколы пишутся настоятелями задним числом, о чем я свидетельствую. И это отстранение церковного народа, сведение его участия в жизни Церкви лишь к участию в богослужении, пожертвованиях и несению церковных послушаний, и есть самый худший вид клерикализма, в котором вся власть и деньги принадлежат безраздельно и бесконтрольно архиерею, который назначает своими агентами благочинных. Приходская собственность переводится в епархиальную, все более урезается самостоятельность приходов, становящихся лишь отделениями епархии. Поэтому с приходов уходят мужчины, чье мнение и голоса никому не нужны, и остается молчаливое покорное женское большинство. Им хорошо манипулировать, но трудно защищать церковную независимость. Архиереи сегодня панически боятся, зная, что за их спиной в основном женщины и бабушки, потерять благорасположение власть предержащих и богатых спонсоров. Как

возможно обличать тогда пороки, растлевающие их, и быть нравственным примером для верных? Без всякой борьбы церковная независимость, чудом свалившаяся на головы епископам после 1991-го года, отдается ими сегодня вновь государству.

Необходимы реальные приходские собрания общины, где бы прихожане решали совместно со священником хозяйственные и финансовые вопросы, участвовали в развитии приходской жизни. Необходима прозрачность и отчетность в использовании средств прихода и епархии. Сегодня это самая закрытая часть церковной жизни, находящаяся вне правового поля даже государства. Немудрено, что это становится самой питательной средой для церковной коррупции, извращающей, разрушающей и убивающей церковную жизнь. Что происходит с пожертвованиями, которые со всей епархии стекаются к вам? Это достояние Церкви, и перед всей полнотой Церкви вы должны отчитываться, а не скрывать все это по темным углам.

Необходимо даровать прихожанам право отстаивать своих пастырей от зла церковной жизни — постоянных переводов как средства запугивания и приведения к покорности. И в то же время — дать возможность общине избавиться от недостойных пастырей, явно запятнавших себя пороками и небрежением о делах прихода. Чтобы каждое обращение прихожан, собравшее значительное число подписей, рассматривалось правящим архиереем в обязательном порядке и заканчивалось принятием решения по исследованию дела.

Это очень трудная задача: воспитание в верующих ответственности за свою Церковь после десятилетий советского рабства. Это требует подлинного просвещения и евангелизации, когда Слово Божие стало бы основанием поступков каждого верного Христу. Дабы ложь, лицемерие, воровство, властолюбие воспринимались верующими как позор и поправление пречистой Христовой Жертвы. Чтобы не исполнение церковного устава, благолепие служб и храмов, а дела милосердия и правды были бы главным мерилom православной жизни. Слова эти не более идеалистичны, чем слова апостола Павла: «Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» (1 Фес. 4:3–7).

Попытка же всю церковную жизнь удержать под единоличным архиерейским диктатом обречена на провал. Ценность собственного достоинства, человеческой личности, ее уважения и свободы для молодежи становится все значимей. И с верующими этих поколений не получится разговаривать лишь окриком и приказом, с ними придется договариваться,

учитывать их мнение. Иначе приходы без молодых останутся лишь с немощными старухами, останутся без будущего.

Жизненный опыт показывает, что человек, получивший огромную власть и деньги, имеющий возможность бесконтрольно ими распоряжаться, неизбежно нравственно деградирует, превращаясь в деспота и неся зло общему делу. Потому и необходимы ограничение самоволия архиерейской власти, возрождения принципа выборности на разных уровнях церковной жизни как общей древнехристианской нормы.

Я не питаю иллюзий. Вряд ли вы услышите меня. Но я верю в то, что мой голос станет еще одним голосом, поднятым с призывом назревших и неизбежных перемен церковной жизни, без которых нас ждет катастрофа. Как историк, я вижу неотвратимость изменений. Через испытания и тесноту, скорби и позор, общественное презрение, как плату за сегодняшнее безумие церковного управления архиереев и теплохладность верных, предстоит пройти Церкви. Но при этом я верю в водительство Духа и опытом познаю любовь и милосердие Христа. Посему остаюсь христианином, насколько это возможно в моих грехах и моем уповании.

ПРАВСОМОЛ У КРАСНЫХ СЯГОВ

Пока наши ревнители веры в дыму и огне боролись с константинопольским папизмом, экуменизмом и мировым жидомасонством, по стране широко прошествовало празднование 100-летия комсомола. Конечно, можно сделать как всегда вид, что ничего не происходит. Сколько за эти годы килотонн духовных скреп было сброшено на мать-Родину! Чтения, конференции, проповеди, крестные ходы, круглые столы, ткачевы и смирновы: про традиционные ценности и устои, историческую преемственность, святую Русь-матушку. И вот на тебе: кое-кто наверху лишь слегка повернул переключатель — и вновь расчихлились и взвились красные стяги! И затрепетали, и суетливо побежали в строй поседевшие пузатые комсомольцы. И замерли в ожидании появления плешивого малорослого насильника и растлителя этой самой Руси, что с мертвым лукавым прищуром картавым говорком будет отдавать им приказы об уничтожении «врагов народа».

Все это кажется дурным мороком, который должен вот-вот неминуемо рассеяться. Но он длится, и длится — и тошнота от этой обступающей нежити все не может разрешиться блевотой. И мутит, мутит от нескончаемых подступающих спазмов...

Где вы, ортодоксы-ревнители! Где ваше огненное слово, побарывающее полчища татаро-либералов?! Где ваши молитвенные стояния за веру и хайп, тысячекилометровые очереди ради святого бабла?! Неужто в молитве восхищены вы до тридесятого неба и не слышите? Неужели это так маловажно? Вы можете лишь оскорблять и травить тех, кто слабее вас или же находится далеко и не будет отвечать вам: будь то ненавистный вам «Запад» или патриарх Варфоломей. Но вы молчите, когда перед вашим лицом происходит этот комсомольский шабаш. Вы не смеее публично и поименно напомнить этим бывшим комсомольцам, что они служили злу — идеям Ульянова-Ленина, осуществляли политику партии, были частью тоталитарной системы, попиравшей человеческую свободу, справедливость и закон, что они были в первых рядах осквернителей национальных святынь, тех, кто глумился над христианской верой, разрушал храмы, доносил на православных, травил своих верующих сверстников, издевался над родительскими заветами.

Думаю, что патриархия идеал организации православной молодежи видит именно в комсомоле: чтобы она брала на себя обязательства по выполнению решений очередного съезда Митрополитбюро, шагала строем, бодро рапортовала о достигнутых успехах. И чтобы не задавала лишних вопросов, не лезла куда не просят (сомневающих же «проработать», возмущающихся — выпнуть). Только все-таки не вышло. И для современной молодежи проповеди патриарха об автокефалиях и анафемах не более интересны, чем доклады Леонида Ильича на партсъездах для тех самых комсомольцев, которые после развала совка сперва ринулись тащить «социалистическую собственность», а сегодня со слезой клянутся в неугасающей верности заветам комсомольского движения.

Каковы итоги почти тридцатилетнего церковного возрождения в стране, раз вот так легко по указке сверху люди массово признаются в своей любви к комсомолу? Всем уже надоело до отврата это бесконечное словоблудие их высокопреосвященств про духовно-нравственные ценности. За ним проглядывает жажда вовсе не небесного Иерусалима, а земного Римовавилона, где бы кесарь как верховный понтифик назначил их жрецами, а веру сделал государственным культом, за уклонение от которого следовала бы тяжелая кара.

Вера скудеет в грехе, мелеет в безмилосердии, и в конце становится мелкой лужицей, которую легко расплескивает тяжелый сапог кесаря. Время развеет и его след. Но как же со всем этим идти в вечность?

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ ЭТОГО МИРА

Не то чтобы я против теории малых дел, добрых дел. Не так. Доброе дело может быть и часто бывает одним из самых сильных способов манипуляции. Оно может развращать как доброделающего, так и того, на кого направлено. Но великая милость Бога на тех, кто творит доброе дело. Я, точнее сказать, за человечность, которой как солнца и тепла в долгую зиму не хватает. Вот когда патриарх Кирилл из раза в раз нападает на христианский гуманизм, мне кажется, это диагноз такой вере, которой придерживаются он и многие, слишком многие. Вера, в которой главной ценностью является не человек, а «святыни», «москватретийрим», «возрождение», «скрепы» и все остальное, где человек только средство, где важен и интересен его функционал. Прихожанин — как статистическая единица и показатель многочисленности православных, как источник пожертвований и послушаний, женщина — как производитель детей и их воспитатель в православной вере и т.д. Не личность. С личностью, индивидуальностью, ее уважением как-то плохо. Важнее община, к которой ты должен приспособиться, нивелироваться, важнее общий устав и канон.

Мне кажется, человечность внеконфессиональна, и в этом выражается ее религиозная абсолютность. Улыбнуться, сказать доброе, ободряющее слово, выслушать, оторвать себя от всех дел, чтобы прочесть ребенку сказку, не сказать злого, язвительного слова, защитить слабого, не подтолкнуть падающего, пожалеть и далее, далее... И Хомякова, и Достоевского ревнители благочестия нередко обвиняли в розовом, сопливом христианстве. Тут с врагами надо бороться, святую Русь возрождать, а не о слезинке ребенка размышлять.

Так я понял Евангелие: Христос приходит к человеку, за человеком, становится человеком и человеку дарит Небо. Вот так, даром, бери! Не вымаливай, не выпрашивай, не выслуживай делами и не заслуживай скорбями! Но чтобы принять этот дар неба, надо чтобы руки стали свободными и пустыми. Человек и есть главная святыня этого мира, и христианство есть труд по очеловечиванию, по раскрытию той высшей человечности, которая зовется святостью.

Отец заботится о своем блудном сыне, пастырь идет за единственной несчастной овцой, Христос умывает ноги ученикам и говорит, что тот, кто хочет главенствовать, должен быть всем слуга.

Мне кажется, это какая-то тонкая ересь, сродни монофизитству, которая все время приплетается к православию, когда ради и во имя божественного попирается человек, приносится в жертву. Сколько раз мне приходилось слышать от священников: мы служим для Бога, а не для людей. Но Христос пришел послужить человеку. Даже в бытовом ты все время натыкаешься на это: зимой в храме люди парятся в шубах, зачастую туалет неизвестно где, а в провинции он почти всегда холодный на улице, лавочек не хватает, непонятный язык, многокилометровая служба, духота, не слышно, нудная проповедь перед причастием, когда дети уже урвелись. Главное Богу слышно, мы Богу служим, а не людям. Большинство (не все) из священноначалия даже никогда об этих пустяках и не задумаются. Так веками было и нет никаких особо признаков, что будет по-другому. Мелочи, протестантизм, обновленчество, потакание плоти и самоугодие? Или все эти бессмысленные тяготы и неудобства — это труд, жертва, страдание во славу Божию? Или, все-таки, забвение евангельского отношения к человеку, к малым сим?

ЦЕРКОВЬ VS ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВСТРЕЧА-КАТАСТРОФА

Текст написан в мае 2019 года, в разгар событий вокруг «скверного» храма.

На небольшом пятачке сквера Екатеринбурга сошлась, сгрудилась, отразилась всеми своими гранями современная Россия — с ее чиновниками, олигархами, священниками, спортсменами, росгвардейцами, активистами, православными верующими и неверующими. С ее застарелыми ранами и обидами, жаждой правды и справедливости, ложью и госдуховностью. Казаки вот еще только не подъехали постоять за родную землю и веру. Такая встреча уже была, в далеком 2012 году, но тогда во всей истории вокруг храма Христа Спасителя было создано столько постороннего шума про кощунства, напущено дыма с оскорблением чувств верующих, что сущность проблемы ушла на второй план. А теперь здесь все обозначилось более рельефно и отчетливо. Народ уже припечатал: «скверный храм»! И такой народной печати не смыть, не отодрать за десятилетия, если храм будет.

В противостоянии общественности и власти как-то сама собой стушеввалась и растворялась митрополия со всеми православными. Спор идет вокруг храма, а все понимают, что от церковной власти ничего не зависит, ни на что она не влияет, обращаться к ней как стороне конфликта нет толку. Но позвольте! Ведь это место согласовывалось именно

со священноначалием, храмом будут владеть православные, он окажется в епархиальной собственности, а значит, это должна быть взаимная ответственность светской и церковной властей, митрополит вместе с мэром должен был и в народ выходить под это освящение, и сидеть на пресс-конференциях и встречах с активистами, отвечая на все неудобные вопросы. Вместо этой готовности взять на себя ответственность (совершенно необходимой, потому что ответственность за противостояние, за оказавшихся арестованными должна неизбежно нести и Церковь) как-то вот попрятались, умыли руки. Попытка загородиться амбалами, которые, «б.., за веру», была не от великого ума и только добавила позора и дровишек в конфликт. Нет, конечно, были заявления, но на что это было похоже? А все на то же. Достали старый патефон и в бесконечный раз завели заезженную пластинку про то, что протест организован и проплачен некими темными силами, которые хотят дестабилизировать ситуацию, что это информационная атака врагов. Пришедшему простому народу в этой парадигме отводится роль наивных дурачков, которыми манипулируют и обманывают злодеи-либералы. Все это не то что, мягко говоря, неубедительно звучит, а обнажает совершенную неспособность и нежелание подумать над долгосрочными последствиями подобных заявлений.

Попытка демонизировать, представить протестующих сбродом хулиганов и воинствующих безбожников сама по себе является клеветой, очень явной. И какие результаты могут быть от использования этого средства дьявола руками священноначалия? Да, не все белые и пушистые, могут быть и хулиганы, и провокаторы. Но не это является определяющим.

Церковь в сквере встретила с гражданским обществом. Таким, какое оно есть в современной России, — неидеальным, становящимся, только осознающим себя. Гражданское общество — это не одни либералы. Оно определяется не конкретной политической идеологией, а плюрализмом мнений и свободой их высказывания, оно определяется запросами, идущими от граждан к власти, и «горизонтальными» отношениями граждан, выстраивающих свои отношения без вмешательства государства. Активисты, волонтеры, союзы защитников, борцов и любителей, которые появляются путем самоорганизации на основе общих интересов. И логика такого общества очень проста: отстаивать свои интересы перед государством лучше путем взаимопомощи и взаимодействия, сообща, нежели поодиночке. Гражданское общество — это сфера частных интересов личности, которые наиболее эффективно реализуются в общественном договоре. Это то пространство свободы действий, независимых от государства, которая есть у

гражданина в рамках закона. Гражданское общество создается на основе равноправия, взаимоуважения, компромисса, плюрализма, возможности осуществлять свои общечеловеческие и гражданские права и свободы. В итоге оно становится источником прогресса всей страны, в его среде воспитывается подлинная гражданственность и правовая культура.

Наличие гражданского общества в России в крупных городах является фактом. Да, это общество слабое, только становящееся, порой искривленное из-за сверхдавления государства. И к этому факту оказываются не готовы ни светская власть, ни православная церковь. Признать его, начать выстраивать отношения с ним на новых основаниях означает необходимость меняться самим. Общество в своем развитии уходит все дальше вперед, отстающие же церковь с государством все более хотят его законсервировать, неизбежно вступая в конфликт. Это разные парадигмы мышления, способы организации, отношения к человеческой личности.

Вот есть в огромном бетонном городе Екатеринбурге у граждан самых разных политических убеждений частный интерес в необходимости зон отдыха. У другой группы граждан есть, возможно, потребность в месте для совместной молитвы. И задача власти — найти такой компромисс между этими интересами, чтобы, во-первых, избежать конфликта сторон, а, во-вторых, способствовать достижению целей граждан, потому что в итоге это выгодно самому государству: развитие городской среды, ее многообразие. Задача абсолютно решаемая в данном случае. Одной группе надо разговаривать с другой. Вести диалог. На равных. И как же это неуместимо становится для православных! С искривленной картиной мира, в которой как в узкой щели амбразуры всякое несогласие с действиями священноначалия видится заговором врагов и информационной войной безбожников против святой Церкви. Где в принципе опция диалога не предусмотрена: как пастырь может вести диалог с заблудшими овцами? Как можно, чтобы с батюшкой спорили и не соглашались? Во всех выступлениях церковного официоза сквозит это плохо скрываемое высокомерное презрение к несогласным. И это самое гражданское общество, состоящее из самых активных, образованных, молодых, как миссионерское поле, в бездумном оскорбительном шельмовании, оказывается полностью потерянным для православной церкви. А значит, потерянным оказывается ее будущее. Куда комфортнее с безропотными, со всем согласными и во всем поддакивающими тетюшками и бабушками, подобострастно заглядывающими тебе в рот. Проще спрятаться за чужие спины, наивно развести руками или устроить очередную бодягу про духовность и скрепы...

Одна из манипуляций заключается в попытке представить протестующих маленькой крикливой группкой людей, не выражающей больше ничьих интересов, выступившей против огромной, общенародной православной церкви. И как тут велик соблазн включить басню про моску и слона! Только в реальности этот раздутый слон оказывается меньше моски. В реальности это 2-3 % от населения и то в лучшем случае. (На 50-тысячный провинциальный город на один приход — 500 православных, которые бы ходили на службы и причащались — 1%, уже кажется слишком оптимистичным.) Ведь можно было бы для митрополии пойти по другому пути (это греза конечно, я знаю, что так не будет): уступить и войти в широкий диалог. Вести себя не с позиций пацанской крутизны, где попытки компромисса расцениваются как слабость, прогиб, после которых реальных пацанов не уважают, а просто признать ошибку, сказать, что мы не учли всех обстоятельств, давайте перерешаем, а заодно вот есть интересный социальный проект, давайте совместно в него включимся. Показать, что главным мотивом является желание помочь людям. Приобрести хотя бы союзников. Но нет же! Выбирается максимально худший вариант. Никаких уроков из опыта 2012 года не было извлечено. Точнее говоря, был извлечен один ложный вывод: нужно действовать силой, опираясь на репрессивный аппарат государства: повозмущаются и заткнутся.

Наличие в сквере такого количества интеллигентных лиц, женщин, каких-то парней, играющих на гитарах, и вообще людей, довольно кардинально отличающихся от амбалов с наколками, рождает ложную и опасную иллюзию того, что с этими очкариками можно особо не считаться, они не опасны, их можно давить. Да, вы их, готовых договариваться, возможно задавите и разгоните. Но вы не решите проблем, которые вывели их на протест. И тогда после них выйдут совсем другие люди, которые будут действовать только насилем на насилие, с которыми уже нельзя будет ни о чем договориться, потому что для них будет существовать только одна стихия — стихия разрушения.

Встреча Церкви и Гражданского общества закончилась катастрофой. Катастрофа уже произошла. Далее она лишь будет под звучание всего того же патефона церковного официоза многократно повторяться в разных уголках страны. Будет одержана та пиррова победа силой, которая станет самым ужасным поражением. Слишком тяжеловесен церковный корабль, у руля которого стоит священноначалие с архаичным советско-средневековым сознанием позапрошлого века, где большинство православных заражены мракобесными идеями и страхами,

а не вдохновлены подлинным евангельским мужеством идти в современный мир, чтобы хватило расторопности и решимости изменить этот гибельный курс.

Я/МЫ АКАДЕМИЯ?

Читаю комментарии моих знакомых по МДАиС под новостями об оптимизации духовных школ. О, дорогие мои, вот и вы теперь познаете это дивное слово и будете в общегосударственном тренде. Последний год как учитель живу в процессе оптимизации своей школы. Сколько лжи, обмана и подлости от церковных чиновников вам еще придется увидеть, даже не сомневайтесь! Ибо никакая оптимизация на Руси без сего не случается.

Пять лет я жил и учился в стенах Московских духовных школ, жена моя 10 лет работала в Академии. После моего ухода из священства большинство просто перестали общаться с нами. Но я по-прежнему, как бы ко мне ни относились и ни обзывали иудой, люблю, уважаю и ценю многих из тех, с кем в те годы общался. Дороги мне и сокурсники, и преподаватели. Просто знайте это, когда будете комментировать эту статью. И хочется не обидеть тех, кто мне дорог, и в то же время с годами понимаешь, что подобное желание оказывается куда худшим решением, чем попытаться назвать вещи своими именами.

Так вот. Читать эти комментарии почти что стыдно. Я знаю, что те, кто в системе, прекрасно все понимают и обсуждают на кухнях все эти хитросплетения церковной грызни, праведно возмущаются, негодуют. У кого-то рушатся или очень осложняются личные планы (как быть тем из студентов, кто дружит с девочками из регентской и иконописной школ, а теперь им надо перебираться в Москву. И выезд за пределы расположения школ возможен часто лишь раз в месяц). У кого-то теряется работа, дело и усилия жизни. Для многих нерасторжимо это понятие «Академия у Троицы». Но публично даже в комментариях придумана целая система, как бы так максимально осторожно выразить свой протест, свое робкое несогласие.

Видел несколько постов с заголовком Я/МЫ СРЕТЕНКА (и не видел пока что таких заголовков в отношении Академии). И кроме этого заголовка дальше ничего. Это предел храбрости. А что ЯМы? Вы издалека и внутренне про себя вместе? Морально поддерживаете? Да псу под хвост такая поддержка!

Ну напишите внятно: «Мы не согласны с подобным решением... Мы считаем, что это недопустимо, потому что...»

Потом в комментариях часто встречается форма наивного недоумения. Мол, как так? Может, это неправда? Завсегдашние призывы молиться и ничего не предпринимать. Ждать, как Бог управит! И вообще все по воле Божией, надо положиться на Промысел! И все в таком духе. Все это невнятное, стыдное и малодушное бормотание начальство даже не заметит. Академии уж с 2012 года как не существует, после превращения ее в магистратуру и аспирантуру сейчас добиваются ее остатки.

Я сам никогда, будучи семинаристом, не питал какого-то пиетета к академистам. Особого усердия к богословским наукам видно там не было. Когда я поступал в 2007 году, огромное число академистов составляли какие-то сербы. Самую эпичную фразу от подобного академиста, обращавшегося к семинаристу, я как-то услышал на вечернем правиле в Покровском храме (спор шел отнюдь не о нетварных энергиях): «Я тэбэ щас фрэску атрэставрирую!» Большинство из них никаких кандидатских работ не писало и ничего по окончании не защищало.

С избранием нового патриарха о. Павел Великанов даже опубликовал статью, в которой грезил о великом будущем Академии в стенах Лавры, что должна была стать русским Оксфордом. Повторяю, уровень Академии был невысок, но были перспективы! В реальности же во внутриаппаратной борьбе патриарху Кириллу просто оказалось плевать на нее. И тогда, в 2012 году, было то же бормотанье. (Тогда рухнули мои планы поступать в Академию: после пяти лет учебы в семинарии, мне теперь нужно было еще два года учиться в магистратуре, чтобы потом еще два года учиться в аспирантуре. После чего быть неизвестно куда распределенным на два-три года, вроде Нарьян-Мара или Дальнего Востока. И это после пяти лет светского университета.)

И поэтому я не сомневаюсь, что добьют и остатки в бездарном и бесплодном реорганизаторстве, которым, как проказой, больна патриархия.

И огромнейшая доля ответственности на вас, дорогие мои, — священниках, студентах, преподавателях. Потому что сдали без боя. Потому что сперва вы согласились принять и подчиниться всей этой ереси непротивления и всепопослушания, которое выше и молитвы, и поста, и Христа. Все время прикрываться святыми отцами и забыть эти слова святителя Иоанна Златоуста: «Храбр только тот, кто имеет силу внутри себя... Если бы ты даже

часто терпел поражения, ты не уклоняйся из-за этого от борьбы. Не получать ран есть удел тех, кто не борется».

«А как бы чего не вышло? А что мы можем? А зачем выносить сор из избы? А зачем играть на руку врагам Церкви? А какое наше право судить священноначалие?..» Народ Божий, сегодня молчаливый и пугливый, возмущается втайне. А что могли бы? Коллективное публичное выражение несогласия всей преподавательской корпорации и студенчества. Статьи преподавателей, хотя бы «пиджачников», как свысока в той же Академии называют преподавателей-мирян, которым и терять-то особо нечего. Выражение публичной позиции верующих, у которых есть имя. Да мало ли! Чего бояться по поводу того, что подумают светские? Они уж давно подумали и не в вашу пользу, а теперь еще хуже будут думать. Новомученики публично не боялись выражать свое несогласие с политикой того же патриарха Сергия и идти за слово в лагеря.

Все это какой-то позор бесхребетности, боязливости. Все закатано тяжелым катком патриарших и архиерейских репрессий. Молчать и не сметь рассуждать! Душно и невыносимо дышать этим внутрицерковным воздухом раболепства, лжи и лицемерия. Отравляющим сознание, парализующим волю к сопротивлению несправедливости и самодурству, лишаящим твердости в вере, в отстаивании дела Христова. Это, именно это и есть самое страшное обмирщение, а не джинсы, рок или Интернет.

Дальше останется только бессильно наблюдать за продолжающейся деградацией церковной жизни, угасанием церковной науки и просвещения, ростом мракобесия. Вся эта популярность ткачевых-смирновых на исходе первой четверти XXI века — прямое следствие церковного невежества. Когда слово «богослов» среди прихожан, в массе своей не способных отличить левое от правого в начатках веры, звучит как ругательство и насмешка и постоянно передразнивается как «бог ослов».

Слишком пафосно? Провокативно? Мне-то хорошо так говорить, я отрезанный ломоть, ничем не рискую. Поэтому и отрезал себя наживую, и рана эта до сих пор не заживает, чтобы иметь возможность говорить так. Хотя бы сказать, хотя бы хоть что-то сделать. Я/МЫ АКАДЕМИЯ?!

В заключение процитирую не во святых Франклина Рузвельта:

«Мы не должны ничего бояться, кроме страха». И его же: «Единственным препятствием для реализации наших планов на завтра являются наши сегодняшние сомнения. Давайте двинемся вперед, вооруженные сильной и активной верой».

НАДО ЖИТЬ, НАДЕЯТЬСЯ, НЕ БОЯТЬСЯ НОВОГО И ОСТАВАТЬСЯ ВЕРНЫМ БОГУ

Прошло уже больше года с того времени, как я принял решение о своем уходе из священства. Тогда, совершая этот шаг, я отчетливо понимал, что это шаг в пугающую неизвестность, перелом всего прежнего хода жизни, призвания, судьбы. Впереди никто не ждал, не было работы, жилья. Так получилось, что годы священства во всей моей жизни были единственным временем более-менее материальной обеспеченности. Я вырос в бедной семье, в глухой сибирской деревне (мама была дояркой, отец — скотником). Потом было бедное студенчество, армия, учительство в деревне, годы студенчества в Московской семинарии. И теперь — многодетная семья. Нет, мы не бедствуем. Господь как-то все время помогает сводить концы с концами. И меня собственно никогда особо эта составляющая жизни не пленяла. Да, хотелось бы хоть раз в жизни побывать на море, за границей, больших возможностей для своих детей. Как бы там ни говорили про бедное духовенство, а русская поговорка «последним с голоду помирает поп» все ж до сих пор верна. Желающим на этом поприще материально себя обеспечить вольная воля. Но не все же сводится к этому.

Прошедший год был годом начала новой жизни. Тяжелый, с внутренней перестройкой. Но не катастрофический. Несколько раз приходилось слышать вопрос: «А не тоскуешь по службе?» Скажу одну вещь. Священники об этом публично не говорят, но это очень типичное представление. Истинно служат Богу только священники, вот эти все священнодействия, через которые они соприкасаются с благодатью, предстоят перед престолом. А прихожане, стоящие в храме, это что-то второстепенное, второсортное. Одни из самых распространенных поповских разговоров в алтаре — пересуды о нерадивых и туповатых прихожанах, которые ничего не знают, несут бред, да еще, овцы, пытаются учить пастырей.

Так вот, не тоскую, потому что мне подобное представление о богослужении всегда было чуждым. Сейчас, стоя на службе уже в качестве прихожанина, я внутренне ощущаю это разделение, но оно для меня несущественно. Я понимаю, что подразумевается под этой тоской по службе. Для кого-то это самодостаточная жизнь, в которой человек находит радость, предрасположенность. Для кого-то это еще и мощнейший стимул для тщеславия: в раззолоченном облачении и клубах кадильного дыма ты важно ходишь по соле, по твоему возгласу все склоняют головы, крестятся, падают

на колени. Еще для кого-то в богослужении воплощается его молитвенная жизнь.

Но лично для меня богослужение с бесконечными хождениями всегда ощущалось чем-то излишним, развлекающим и рассеивающим. Мне проще и лучше сейчас стоять где-нибудь в уголке и уходить в молитве в себя. Господь близ. И в этом я не чувствую себя ущербнее и второстепеннее, чем священник на службе. Но это, наверное, кому как. Поэтому этот вопрос для меня звучит, как «ты не тоскуешь по маханию кадилом, по часовым выниманиям частичек из просфор, по выходам и входам, по закрыванию и открыванию царских врат?» Нет, не тоскую. Скорее, тоска моя об ином. О том, что сегодня и не стоит в центре православной жизни. О том, что священническое служение в себе имеет возможность менять человеческую жизнь к лучшему через привнесение в нее евангельского света. Вера и разум, соединенные и направляемые любовью, самые великие силы в этом мире. Для меня очевидно, что тех надежд, которые возлагались на Церковь после краха советского строя, она не только не оправдала в лице своего священноначалия, а стала реставрировать из прошлого все самое противное совести и христианскому чувству.

Мои взгляды на церковную жизнь и на мое решение не претерпели изменений. Пожалуй, лишь утвердился в своей правоте. Я вижу, как нарастает откровенное мракобесие в церковной жизни, нетерпимость к любой форме разномыслия и независимости. Все должно ходить строем и одобрять все решения сверху. С началом патриаршества Кирилла было много надежд на то, что интеллектуальные силы получат возможность дать понятные ответы на вопросы общества, на вызовы нового времени. Все это связывалось с новым «интеллектуалом» патриархом, «открытым современному миру». Но интеллектуальная жизнь невозможна без свободы дискуссии, без критики, без независимости мнений. И в итоге этот понтификат все более набирает антиинтеллектуальную направленность, усиливает архаизацию церковной жизни. Голоса лжестарцев да чаплиных стали только слышнее, разгром МДА, в образовательном отношении и без того хилой, завершается назначением ректором совершенно бесцветной и управляемой фигуры. В духовной жизни тоже как-то не видно проблесков. Люди, приходящие со своими проблемами, получают все тот же суповой набор «молись и постись». Знаю, не везде так, не все такие, но общая слагаемая сумма все-таки такая.

Что же касается моей личной жизни, то никаких трагедий и катастроф в ней не произошло. Господствующим мифом в православном сознании является представление о «расстриге» как о надломленном человеке, который как-то там несчастно влачит остатки своих дней под гнетом всех мыслимых и немыслимых божьих кар. Жизнь не сахар, но это такая же жизнь, что и у десятков миллионов моих сограждан, наполненная своими проблемами и планами. Год я отработал школьным учителем, сейчас перехожу работать в колледж преподавателем. Прошлой осенью благополучно родилась дочка. Все здоровы. Пусть зарабатываемый кусок хлеба и без масла, но он честный и мне не стыдно за него.

Какой-то внутренней ломки не было. Но несколько моментов отмечу. Те, с кем я был близок в церковной среде и общался, так и остались близкими мне людьми, с которыми продолжается общение. Для остальных, кто бесконечно одаривал меня умильными улыбками и ахами-охами «батюшка-батюшка» в церковной среде, я умер, замолчал мой телефон. Лишь изредка из глухой деревни кто-нибудь, кто так и не в курсе, позвонит с просьбой отпеть или покрестить. И этот момент может быть болезненным, тем более, когда тебя еще не раз публично окрестили Иудой. Но тоже переживаемо. Держать старые обиды и заикливаться на прошлом не только глупо, но и вредно для настоящего. Все гневные филиппики со стороны моих православных единоверцев в мой адрес по поводу моих статей прошлого лета мало меня задели. Я понимаю, как устроено подобное мировоззрение, на чем оно основано. Радостью для меня стало то, что десятки людей откликнулись со словами поддержки, и среди них тоже были и миряне, и даже священники. Так что это уже не времена архимандрита Федора Бухарева.

Вторым моим открытием было то, что мое семинарское образование, знания после прочтения уймы церковной литературы никак не пригодились в светской жизни. Это как-то настолько непересекаемо с современной жизнью, что аж оторопь берет. Насколько мизерно сегодня реальное влияние православной Церкви в России со всей своей тяжелой древнерусской византийщиной.

Тяжелее всего дается профессиональное встраивание в жизнь. И опять же для меня здесь дело не во влиянии церковности, а в том, что почти в 40 лет с тремя детьми ты оказываешься в любой организации на позициях выпускника вуза, которому надо наработать стаж, профессионализм, связи, авторитет. Ты никто и тебя никто нигде не ждет. Своим упорством

и трудолюбием тебе придется заново все отвоевывать и отстраивать на новом месте. Но и это тоже переживаемо. Есть возможность самообразования, переквалификации. Все это гораздо проще сегодня. Сколько наших женщин в декрете с маленькими детьми к выходу успевают получить новую специальность и работу.

Я знаю, что в нашей Церкви есть немало священников и дьяконов, кто думает о подобном уходе. И что-то посоветовать тут сложно. Все зависит от множества слагаемых: от возраста, состояния здоровья, образования, отношения к окружающему миру, готовности взять на себя ответственность, полагаясь только на свои силы. Деградация социально-экономической жизни в России все больше ограничивает подобный шаг, но и будущее не радужно, и в каком положении окажутся через десяток лет рядовые священники? Раздвоенность же священнической жизни ничем хорошим не заканчивается. Для себя во всей этой феодальной системе я просто не нахожу места, кроме как быть никем в Церкви. Ты ни на что не влияешь и никем не слышим и не видим, но зато получаешь дар свободы.

Впереди планы по созданию семейного сайта и домашней студии, помощь в развитии хэнд-мейка супруге, составления и записи курса по риторике, дальнейшее изучение английского, овладение фотосъемкой, занятие легкой атлетикой, воспитание детей, писательство и публицистика. Да мало ли замечательных вещей на свете! Все только начинается.

Одним из убеждений, которое мне всегда помогало в жизни и никогда меня не обманывало, было убеждение в том, что везде есть хорошие люди. И в церковной жизни, и в светской, и в школе, и на заводе. С которыми можно дружить, находить общие взгляды, которые поддержат. Поэтому не так страшно менять свою жизнь, переходить на новое место, двигаться дальше. Мне хочется воспитать и дать образование своим детям, что-то успеть доброе сделать не только для себя на этой земле. По крайней мере мне чужд тот господствующий в православной среде кликушески-апокалиптический взгляд на современный мир, в котором столько страха и желания уйти в глухую изоляцию. Кругом враги, один разврат, все погибло! Мне кажется, что мир хоть и искажен злом, но это божий мир, изначально благословленный Богом как Его творение. И Бог призывает нас быть Его соработниками в нем, имея активную, живую веру, движимую любовью. Призывает созидать и преображать, устроить и умножать благо, вносить свет веры и разума, милости и правды в свою деятельность, человеческие

отношения. Это дает мужество и силы жить дальше, надеяться, не бояться нового и оставаться верным Богу.

ПРО КРОЛИКОВ И УДАВОВ (О МОЛОДЕЖНОЙ МИССИИ В ЦЕРКВИ)

В недавней правмировской статье «Безумное чаепитие в кроличьей норе» руководитель информационного отдела Ростовской епархии протоиерей Даниил Азизов ломает голову над следующим вопросом: «Приходы затрачивают много сил на организацию молодежной миссии, кружки по интересам, чаепития, просмотры фильмов и содержательное общение, почему же молодежи в Церкви больше не становится? Что пошло не так...» И далее в типичном духе правмировской церковной публицистики «вокруг да около» идут длинные благочестивые рассуждения.

Эта тема изъезжена и избита до предела, но она все равно как бельмо будет маячить в церковной жизни. Просто потому, что сама церковная жизнь угасает. Достаточно посмотреть на сокращение количества поступающих в семинарии, на приходские фотографии с богослужений, на количество реально действующих молодежных проектов и их масштабность. Церковное возрождение в реальности обернулось реставрацией именно той атмосферы и обрядности дореволюционной Церкви, которая из себя выталкивала молодежь. Посмотрите на фотографии собраний верующих периода революционных событий. Много там видно молодежи? В основном бородачи мещане и мужики, да женщины и старухи с детьми.

Сама подводка статьи содержит очевидное вранье: «Приходы затрачивают много сил на организацию молодежной миссии». И оно тоже типично: вот, мол, мы так и эдак старались, не покладая рук, а все никак. Вишь, влияние мира и светских идеалов... Все альпинистские, футбольные и военно-спортивные клубы, православные лагеря, организуемые батюшками при приходах, извините, это чаще всего не про Христа. Это про пресловутые скрепы и «традиционные ценности», православную субкультуру и державность.

Удивительный пассаж батюшки, который повествует о своем времени поступления в семинарию: «Ведь не было никаких развлекательных программ, как сегодня, постоянно организуемых молодежными отделами, спортивных состязаний, выездов на природу, просмотров фильмов и т. д. Напротив, были ведро и тряпка, послушание в просфорне, чистка

подсвечников, разгрузка товара в епархиальный склад... А еще были идея и мечта, те, ради которых с радостью и, конечно, бесплатно выполнялись эти работы». Так в том-то и дело, что ни там, ни там нет речи о Христе и Евангелии. Зачем тратить время на унылые православные фильмы в каморке при храме с нудным обсуждением или спортивные эстафеты, когда можно сходить в нормальный современный кинотеатр или тренажерный зал. И тем более корпеть над чисткой подсвечников (ведь послушание в храме так благодатно!). А какой же корень зла сегодня, по мнению священника? Вот оно, коварство современности: «Многие настоятели не прибегают уже к помощи прихода: просфоры пекут, убирают храм люди, которые получают за это зарплату».

И совершенно верно, что эти чаепития-посиделки — бестолковое времяпровождение. Но дальше-то что? Как сделать его толковым? Ответ: отправить молодежь по больницам и детским домам! Рефреном повторяется мысль, что слишком тепличные условия созданы на приходах для молодежи.

И вроде бы верно замечается в статье: «Ими востребован разговор на равных, где нет запретных тем и табу». Но, боюсь, под запретными темами батюшка имеет в виду какие-нибудь вопросы секспросвета, а вовсе не вопросы церковной коррупции, приходских поборов, бесправия духовенства, лицемерия церковных отношений и прочего, что делает приходскую жизнь такой тоскливой. Во всей статье сам же он ни одной запретной темы не упоминает.

Вновь ребром ставится батюшкой вопрос: «Если столько сил, энергии и ресурсов затрачивается на молодежную работу, то где же эта самая молодежь?» И вновь не дается ответа. Идут рассуждения, что верующие прихожане в массе своей унылые и безрадостные, а это не может привлечь. Надо чаще улыбаться!

Страх сказать правду про то, как оно есть на самом деле сегодня с молодежью и прочим в Церкви, породит еще немало подобных пустопорожних статей. Сколько докладов на всяческих чтениях про организацию молодежной работы на приходах будет зачитано! А меж тем молодежи неумолимо будет все меньше и меньше, а церковная жизнь будет все мрачнее и тоскливей.

Современная молодежь, живая, сложная, способная задавать острые вопросы и настаивать на ответах, просто не сочетаема со всей унылой церковной жизнью, построенной на обрядоверии и страхе перед современным миром, пропитанной лицемерием и человекоугодием. Как

вообще можно вести миссию среди современной молодежи, если она априори считается распутной, одержимой западными соблазнами! Когда изначально верующие ставят себя в положение избранных и духовных, которые сейчас сделают милость и научат истине. Какой же? Как готовиться ко причастию, какие каноны вычитывать, сколько надо поклонов класть против блудных мыслей? Что все, что молодые до этого любили, есть грех и мерзость: их музыка, книги, фильмы, одежда, образ жизни? Достаточно послушать священнические проповеди, где зачастую вода отвлеченных нравоучений да благочестивый кисель. Кого они могут увлечь и вдохновить? Это даже не звенящая медь, а ржавое дребезжанье жесты.

Какая отводится роль молодежи в Церкви? Роль послушников, которые за каждым чихом должны бегать за благословением к батюшке? Статистов для создания красивой картинки на патриарших службах? Когда священноначалие к людям относится как к средству, как к топливу, которое нужно для работы церковной машины, которая выплевывает человека отработанным материалом, чтобы заглотить новый. Как хладнокровный удав, который удушает все живое, новое для своего насыщения.

Неудача молодежной церковной миссии — это лишь стрелка барометра, свидетельствующая об общем неблагополучии и разворачивающемся глубочайшем кризисе церковных отношений. И дело тут не в лени и косности отдельных священников, а в характере современной церковной системы. Бесполезно начинать переставлять стулья и переклеивать обои, когда корабль погружается в пучину. Если церковная система ориентируется все больше и больше на стариковское прошлое в виде святой советской Руси, а не на евангельскую весть, то стоит ли обижаться и недоумевать на то, что современная молодежь не хочет тратить время на эти геронтологические обрядово-ролевые игры, подменяющие встречу с живым Христом!

СОБЛАЗНЫ СВЯЩЕННИКА: ПОЧЕМУ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДУХОВЕНСТВА МЕЛЬКАЮТ В СКАНДАЛАХ

Опубликовано в газете «Московский комсомолец».

Информационное пространство время от времени продолжают сотрясать скандалы разной степени, связанные с церковной жизнью. Протоиерей Дмитрий Смирнов в ответ на недавнюю новость об избиении рязанским священником Владимиром Покровским своей жены заявил: «Это феминистский вброс. С помощью НКО закупают сотрудников нашей Думы и прессу. И они муссируют эти темы и при этом врут направо и налево.

Просто это фейки такие... Просто наша журналистская братия факты про священников перепостирует многожды, получается, что священники потеряли над собой контроль и лупят своих жен». Что это в действительности? Спекулирование на скандальных фактах? Или за этим стоит более существенная проблема, на которую так реагирует светское общество?

Лично для меня это не праздный вопрос. Я бывший священник православной церкви. Мой уход из священства не был связан со скандалом. Это был тяжелый выбор между будущим моей многодетной семьи и церковной системой отношений. Но я продолжаю оставаться православным верующим.

Почему же так может происходить? Мне кажется, что за всеми скандалами, связанными с жизнью православного духовенства, стоят более существенные и серьезные проблемы. Это не просто разрыв между словами и делами конкретного батюшки. Так уж устроено человеческое общество: нам в наших повседневных дрязгах нужны не просто абстрактные нравственные нормы, а живое свидетельство нравственности. Для огромной части нашего населения такой фигурой, которая бы воплощала в себе духовные идеалы, стал образ священнослужителя. В 1990-е годы после краха советской идеологии на православную церковь обществом возлагались порой завышенные надежды. Было много иллюзий, связанных с верой в то, что церковь как хранитель заповедей в лице своих служителей даст обществу необходимые примеры новой жизни. Это ожидание в общественном сознании создало особый образ «батюшки»: доброго, понимающего, трудолюбивого, честного, нестяжательного, всецело посвятившего себя Богу и служению ближним.

То, что священник, так же как и любой другой человек, может совершить предосудительный поступок, вроде бы понятно: мало ли в жизни бывает ситуаций, где каждый может оступиться. Но с церковнослужителями выходит иначе: с одной стороны, завышенные общественные ожидания к их образу жизни, а с другой — та особая роль руководителя и наставника народа в вопросах нравственности и веры, на которую сегодня претендует Русская православная церковь. И на все это накладывается специфика информационного общества, когда священник из самого захолустного села может стать героем грандиозного скандала.

Что собой представляет жизнь духовенства изнутри? Это можно сравнить с определенной субкультурой, где существуют свои нормы поведения, требования к одежде и питанию. Священник живет как в стеклянном доме,

он, его жена и дети — объект пристального внимания окружающих. Ожидается, что семья священника должна быть образцовой: многодетной, живущей по православным канонам, с соблюдением постов и внешнего вида. В реальности это труднодостижимый идеал. У матушки заметили модный маникюр, косметику, она надела платье выше колен? Вечером кто-то встретил батюшку навеселе? А если нельзя, но хочется? И разве это такой уж страшный грех? Для самих православных сегодня это огромная нерешенная проблема: как и в каких пропорциях сочетать традиционный церковный образ жизни с современным?

Многие думают, что священники какие-то иные люди, слепленные из другого теста. Но на деле до принятия сана большинство выросло и сформировалось в светском обществе, впитав многие его недостатки. По пословице, осинки не родят апельсинки. Священниками становятся в большей части простые русские мужики, начавшие по разным причинам ходить в храм. После кто-то борется со своими пороками, а кто-то не может устоять перед открывшимися соблазнами. Нередко можно услышать фразу: «Про священников, как и про самолеты, говорят только тогда, когда они падают». Проблема еще и в том, что в ситуации недостатка кадров для огромного количества новопостроенных храмов нередко в священники ставились и до сих пор ставятся люди с весьма сомнительными качествами, лишь бы богослужения совершались. Ну и стремление к высокому уровню потребления, к роскоши среди священноначалия тоже задает «тренд» для остального священства.

В жизни священника есть четыре главных соблазна, связанных с самой спецификой служения. Представьте себе молодого батюшку, который только недавно был рукоположен и стал настоятелем храма. Он совершает требы, отпевает, крестит, освящает. И люди дают «пожертвование» деньгами. Основная часть идет на уплату епархиальных взносов, зарплату священника, содержание храма. Это в основном наличные деньги, которые проходят через руки настоятеля. И тут часто ты остаешься один на один со своей совестью. Больше треб — больше дохода. Больше общаешься с состоятельными спонсорами — больше возможностей. И трудно устоять перед сребролюбием. Деньги нужны всегда, и благодаря своей расторопности ты можешь получить их больше.

Второй соблазн — это женщины. Они составляют на приходах большую часть верующих. На батюшку часто, идеализируя, смотрят с восхищением. Они же стоят перед ним на исповеди, открывая ему всю свою внутреннюю жизнь порой до самых интимных подробностей. Они вверяют себя под полное

духовное руководство батюшки. А нередко и просто влюбляются. Как сказал один подвижник, даже незажженная свеча в окружении горящих свечей начинает становиться мягкой. Дома усталая и раздраженная матушка с несколькими детьми, а здесь — понимающая и восхищенная тобой миловидная прихожанка...

Третий соблазн вытекает из особенностей церковных отношений. Священник — глава прихода. Верующий должен развивать в себе смирение и бороться с гордостью, выражать послушание настоятелю. Постоянно подчеркивается второстепенность женщины и в приходской жизни, и в семейной. Она должна слушаться мужчину, бояться своего мужа, который должен быть главой в семье и принимать все важные решения. Все это очень легко в священнике может дать пищу властолюбию, заносчивости, грубости.

Ну и последний соблазн, традиционный для русского духовенства, — это пьянство. В алтаре всегда есть вино. Оно употребляется за богослужением, разбавляется водой в качестве запивки после причастия. Оно вливается в чашу для причастия прихожан, и все, что останется в чаше после, должно быть употреблено священником. А еще застолья с прихожанами, встречи со спонсорами, да и просто «для снятия стресса».

Поэтому я бы сказал, что в публичном обсуждении поступков духовенства сегодня все же больше пользы именно для самой церкви. Дело в том, что как социальный институт, довольно консервативный, она тяготеет к корпоративности и закрытости. А из-за претензий на духовное руководство народом не должно быть порочащих ее фактов. Но они появляются. И тут два пути: или пытаться их скрыть, отрицать, или же честно признать и возложить наказание на виновного даже ценой, как говорят, репутационных потерь. Мы можем сегодня видеть, что первая стратегия в итоге является проигрышной. В свое время католическая церковь пыталась многие скандалы замолчать. Но появилось информационное общество, где факты аморального поведения уже не скроешь. И суды, которые рассматривают дела многолетней давности. Если не выносить сор из избы, он начнет отравлять жизнь ее обитателей и вываливаться наружу.

Сама православная церковь сегодня не готова на равных обсуждать со светским обществом собственные проблемы: мол, это наше внутреннее дело, сперва посмотрите на себя. Но тогда и нет права претендовать на особую роль церкви, попытки усилить свое присутствие в общественном пространстве, оказывать влияние на законодательство, институт семьи,

армии, образования. Болезненно, но придется учиться жить в информационном обществе, вступать в диалог, а не закрываться со словами: «Вы ведете против церкви, а значит, ценностей, о которых она говорит, информационную войну. Это ценности русского народа, а значит, вы враги России». Такую логическую конструкцию построить особого ума не надо, но она оказывается непродуктивной, хоронящей и церковный авторитет, и влияние в обществе. А самое главное, это лишь усиливает социальную вражду и разделенность. Иного пути, кроме как учиться вместе жить в одном обществе, вести открытый диалог на равных между его разными группами и слоями для сохранения социального мира, у нас нет.

ЦЕРКОВЬ БОЯЩИХСЯ

Древние страхи живут в человеке. Страх перед насилием, болезнью и смертью, перед чужим, страх потеряться и потерять. Можно сказать, что бояться, так же как и ошибаться, — это естественно для человека, если мы под естеством понимаем то состояние, в котором, с точки зрения православного богословия, оказался человек после грехопадения. Без способности бояться человек и жить бы не смог в этом мире. Вопрос только — чего стоит бояться, а чего — категорически нет?

Недавно патриарх Кирилл с апломбом, скорее кокетливо выдавая желаемое за действительное, заявил про некие антицерковные силы, которые испытывают «мистический страх перед единой Русской Церковью»: «Мы говорим всем, кто испытывает такой страх: не бойтесь!» Но за годы церковной жизни именно в Церкви я столкнулся с огромным количеством всевозможных страхов. Мир полон их, но Церковь, по моему разумению, должна быть именно тем местом, где происходит исцеление человека, в том числе и от недолжных страхов. Но как же сегодня далеко это от действительности!

Приходит Христос, освобождающий от всевластия смерти, делающий едиными с Собой верных, дающий силу на преодоление. Сколько раз в Библии звучит призыв не бояться: «Будьте тверды и мужественны, не бойтесь», «не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть», «Господь — свет мой и спасение, кого мне бояться?», «не бойтесь убивающих тело»!

Если я с Богом, то чего мне бояться? Но с Богом ли я? Когда с одной стороны священники все время ставят себя на место посредников между Богом и людьми, а с другой — говорят о тотальной грешности несчастных, темных

и слабых прихожан, то у последних формируется эта неуверенность в своей вере, в единстве с Богом, в Божьей силе.

Страх согрешить, казалось бы, дело хорошее. Но в реальности любой поступок может оказаться греховным. И ведь до конца не понятно, какой именно. Точной инструкции-то нет, в разных руководствах, как назло, разные списки грехов (даже насчет брюк и платков так до конца и не понятно). В каждом шаге приходится сомневаться и колебаться, бояться сделать что-то не так. Православный магизм тоже добавляет своего веселья: трагедия, если кто-то живых записал за упокой, да еще свечку не туда поставил! И не той рукой!

Отсюда же во многом растет и всяческая боязнь бесов и колдовства. В среде прихожан вера в возможность порчи и колдовских чар в отношении них практически повсеместна. Бесобоязнь как тень следует за многими. Бесчисленные байки и рассказы про бесов и их хитрости — прям любимая тема многих священников и прихожан. Мне всегда это казалось каким-то нездоровым интересом к темной силе, сходным с эротоманией, заикленность на этом.

И рядом с этим же страхом живет страх Бога, поддерживаемый многими священниками, но вовсе не тот, о котором говорится в Писании. Бог покарает! И дело здесь даже не в этой возможности кары, хотя что понимать под этим словом, а в том, что образ Бога больше походит на жестокого тирана и садиста, чья воля капризна и безжалостна. Слишком уж Христос добрый в Евангелии, вот так запросто прощает блудниц. Держи-ка брошюрку про мытарства и мучения в аду. Должна быть какая-то мера, предостережение о последствиях, а не постоянное стращение. Ну что получается, когда детей начинают воспитывать непрерывным запугиванием?

Страх священников перед епископами — это целая педагогика, политика и искусство, до изощренности развитые в православной Церкви. С какой методичностью он насаживается! И дело тут не только в самодурстве отдельных архиереев. Как и везде есть исключения, но правило — архиерея должны бояться как огня! По поповскому присловью, у батька́ по-настоящему может быть только две беды: храм сгорел да архиерей приехал. И не просто бояться! Чтобы от его рыка и сверка глаз благочинный или настоятель бледнел, краснел и как мальчишка подпрыгивал, и не шел, а трусцой бежал исполнять повеление. Для меня не было более мучительных богослужений в жизни, чем богослужения с архиереями. Все внутри

переворачивалось от этого культивируемого страха вокруг архиерея. Не молитвой в это время заняты, а улавливанием малейших знаков от владыки, боязнью что-то сделать не так, смятением от понуканий и покрикиваний, унижением на глазах других. Какой это отец и о каком братстве можно говорить! Со стороны епископов — постоянное запугивание священников разной степенью наказаний за неисполнение тех или иных обязанностей. И многие священники боятся. (А как не бояться, когда у тебя семья, и кадило — единственное, что тебя кормит. А за послушание из поповского сословия ты вылетишь быстрее пробки из-под шампанского.)

За всеми разговорами о традициях, обычаях и необходимости держаться старины кроется страх перед современным миром, от которого нужно прятаться за церковную ограду. Нас пугает все непонятное.

Необразованность рождает страхи перед Интернетом, штрихкодами, карточками, мировым тайным правительством и масонами. Вокруг одно коварство, враги, тайные, явные, материальные и бестелесные, которые только и заняты тем, чтобы погубить. Бесконечное цепляние за отжившие формы выдает страх перед новым, перед неизбежными переменами.

У многих верующих развивается не только какая-то маниакальная потребность всего бояться, но и еще пугать других. Чего бы ни касалось общественное обсуждение, надо вселить страх максимальной степени, даже если нужно приврать или обратиться к лженауке: будешь участвовать в фестивале красок, отмечать Хэллоуин, смотреть фильм о Гарри Поттере, слушать рок-музыку, ходить на митинги, крутить спиннер, заниматься онанизмом — тебя ждет кара, беды, психические болезни, генетические мутации, да ты уже этим отрекся от Христа и продал душу дьяволу!

Страх — удобное и легкое средство для манипуляций и поддержания своей власти и авторитета со стороны священников и архиереев. Хлебом не корми, а дай позапугивать болезнями и бедами за послушание или обличение священноначалия. Страх за себя разрушает всякую возможность подлинного единства, а, значит, лишает силы общего действия. Разделенные и разъятые общим страхом, люди теряют способность сопротивляться злу. Страх — злой учитель, который вышколивает в людях чувство беспомощности и безнадежности. Все эти страхи в итоге развивают в верующем неврозы, полную неуверенность в себе, подавляют активность, делают нерешительным. (Вместо того, чтобы принять решение, люди годами ждут знака свыше, ведь надо помолиться, как Бог даст и управит, а еще лучше — спросить у старца.)

«К свободе призваны вы, братия!» — говорит апостол. А в Церковь, отутюженную страхом репрессий советской властью до безмолвной холопшей покорности, приходят люди, воспитанные в рабском духе, а не свободе. После крушения советского государства в Церковь пришло очень много людей, испуганных этим крушением, растерянных перед лицом нового. Со страхом перед свободой и ответственностью. И многие приходы стали не местом обретения свободы, а воссозданием такого привычного советского мирка, где все решает председатель, а остальные единогласно голосуют «за». И в итоге чаемое возрождение превратилось в кондовую реставрацию.

Советский тоталитаризм весь держался на терроре, на устрашении, и своим следствием имел лживость, подлость, предательство, человекоугodie, трусость, постоянное переступление своей совести и своего человеческого достоинства. Священноначалие, где немало выходцев из того времени, впитало этот страх перед светской властью, и ради угождения ей за материальные подачки готово сделать Церковь ее безропотной и на все готовой служанкой. Надежда Мандельштам, осмысливая опыт репрессий, писала: «Преодолевший страх знает, как было и как будет страшно на этой земле, и смотрит страху прямо в глаза... К тому ужасу, который мы пережили, привела трусость. Она может вернуть нас в старое русло. Я уже не увижу будущего, но меня мучит страх, что оно может в чуть обновленной форме повторить прошлое».

О чем же свидетельствует это обилие самых разнообразных страхов в церковной жизни? В первую очередь об обмирщенности Церкви, о том, что ее жизнь погружена в земное, сиюминутное и изменчивое, что пронизано нитями страха как плесенью. По слову Евангелия, «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви». И этот недостаток живой деятельной любви в церковной жизни сегодня ощущается очень остро. Разделены, с опаской и подозрением смотрящие друг на друга, собрания прихожан, которые не являются общинами. Церковное одиночество не побеждается механическим выстаиванием служб среди чужих людей. И в этом одиночестве мучительно страшно, тоскливо и холодно жить.

А там, где недостаток любви, недостаток и веры как живого постижения Бога, Его Отчей близости. Если нет любви к ближнему, к Богу, к священноначалию (дорогим отцам), надо заставить угрозами подчиняться и исполнять! Страшный Бог где-то далеко-далеко, а между Ним и верующими — обряды,

житейские дразги, традиционные ценности, жития и мощи святых, чудотворные иконы и церковные каноны, невнятно бормочущие длинные непонятные молитвы священники-жрецы. Вот столько всего нагроможденного, сваленного вперемесь в одну кучу, через которую карабкается и карабкается верующий в православии, мучительно продирается и все не может достичь живого Бога.

Страх в Церкви в последнее время не только не становится меньше, а он еще больше возгоняется. Патриарх Кирилл сделал устрашение основным стилем своего руководства. Нужно, чтобы как можно больше боялись, а значит не открывали рта с критикой, не смели даже держать в голове таких мыслей, исполняли все распоряжения, исправно отчисляли мзду наверх, безропотно подчинялись светской власти. Насаждаемый страх парализует церковную жизнь, ведет к ее деградации, к торжеству лакейской посредственности, мракобесия, самоизоляции. Трусливых и боящихся не любят и не уважают. Боящийся бездерзновенен в жизни и в творчестве.

И самое ведь ужасное, что произойдет при пестовании страха в Церкви, при превращении верующих в боящееся стадо — это массовое отречение людей от Христа, когда действительно будет страшно и нужно будет одолеть страх, чтобы остаться Ему верным. Поэтому все насадители страха в церковной жизни сегодня совершают дело антихристово и сатанинское, подготавливая отпадение от Истины.

Изживание страха в церковной жизни, чтобы он был сожжен в горении любви к ближнему и Богу, в вере и верности заповедям и Истине, в сыновьей свободе — это долгий и трудный путь, на котором нужно учиться переставать панически бояться, трусить, льстить, угождать и подличать из страха. Это путь обретения свободы и духовной силы, утверждающейся в немощи, которая способна преображать человека и окружающий мир.

НЕМАЯ ЦЕРКОВЬ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

В православной иконографии Христос, изображаемый с Евангелием в левой руке, правую держит поднятой в открытом жесте. Одно из толкований этого жеста связывают с эллинистической традицией, когда ритор или дидаскал призывали к молчанию, тишине. Христос являет Истину, и верующие должны внимать Ему, как по камертону сверяя со Словом все остальные слова, помыслы и поступки, кем бы они ни были сказаны или совершены.

Недавнее решение Синода о наложении прещений на клириков и монашествующих за разглашение «канонических и церковно-административных сведений» не несет в себе чего-то кардинально нового, но в то же время отражает несколько важных тенденций.

Все последнее десятилетие чаемое церковное многоголосие с правом на дискуссию и иное мнение как выражение соборности Церкви урезалось. Затыкали рот самым громким голосам, осекались голоса менее смелых и более зависимых. Это означает, что верующие должны молчать перед патриархом и его епископами, сверяя свою совесть не с Евангелием, а с волей начальства. Церковная иерархия присваивает себе право единственного голоса. Церковная бюрократия становится чем-то особым и независимым в теле Церкви, стремясь с одной стороны к абсолютному всевластию, а с другой — к неподсудности и отсутствию церковного контроля.

Церковь окончательно должна стать по замыслу священноначалия учреждением, организацией, корпорацией с жесткой иерархичной системой. И первое что приходит на ум — это превращение Ее в армейскую казарму с уставом и дисциплиной. И недаром то, что это решение повторяет шаги светской власти последних лет подобного характера. В этой парадигме нет церковного народа, нет общинности и соборности, а есть приказ и подчиненные. В своей сути это извращение самой идеи Церкви, имеющее несомненно еретический характер. Маниакальное стремление засекретить, скрыть, сделать тайной внутрицерковную жизнь рождает подозрение, что под этим покровом совершается что-то не очень хорошее. Ведь как это согласовать со словами апостола: «Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

В самой формулировке решения бросается в глаза то, что она будто специально взята из Уголовного кодекса: «Разглашение... влечет за собой: для клирика: запрещение в служении на срок до 1 года (при повторном совершении того же деяния — до 3 лет); для монашествующего: отлучение от причащения Святых Христовых Таин на срок до 1 года (при повторном совершении того же деяния — до 3 лет)». Это звучит чудовищно, но еще чудовищнее то, что это отражение именно мышления преосвященств. Они ТАК и смотрят на своих подчиненных, видя себя прокурорами и судьями. Им будто и в голову не приходит, до чего кощунственно звучит

использование в качестве санкции за дисциплинарный проступок отлучение от причастия. Верующие ли это, и знаком ли им страх Божий?

Что понимать под «каноническими и церковно-административными сведениями»? При желании под это можно подвести все, что угодно, все, что касается церковной жизни.

Главным наказанием для клирика уже традиционно определен запрет. Но это размахивание дубинкой запрета в последние годы имеет очень простое следствие: продолжающийся исход из священства и деморализацию остающихся. Ну а приходящие, если у них будет достаточно ума, уже подумают о том, как обезопасить себя от подобной меры в плане финансов и дополнительной профессии. Может удивить, что санкции запрета и отлучения от причастия за одно и то же деяние для разных категорий совершенно между собой не связаны. Отлучение от причастия монашествующих показывает, что никаких целей духовного исправления данное решение не имеет, а является сугубо репрессивным. В запрет монаха не отправить, длительное воздержание от причастия не такая уж и редкость в монашеской традиции. А вот как насельник монастыря он оказывается в неизмеримо большей степени зависим от своего начальства, которое может ему осложнить жизнь. Поэтому и нет необходимости для монахов чего-то равнозначного запрету.

Характерно, что ничего не говорится о мирянах, которые тоже несут послушания в различных церковных структурах и имеют доступ к закрытой от общества информации. Казалось бы, вполне логично применить отлучение от причастия, но не очень-то, видимо, верит священноначалие в его действенность для мирян.

Никто не будет спорить с тем, что у большинства организаций есть право и необходимость в финансовой тайне, в тайне деловой переписки и административных решениях в той степени, в какой это определено законом. В развитых странах публичная отчетность и иные меры, которые делают деятельность организации прозрачной, преследуют конкретную общественно-полезную цель. Это противодействие коррупции и противоправных поступков, которые цветут тем махровее, чем более закрыта организация от посторонних глаз. При внешнем блеске, лоске и парадности внутренняя кухня РПЦ необычайно грязна. Иного от фобии не выносить сор из избы ожидать и не приходится. Поэтому стремление к закрытости означает одну важную вещь: можно не питать иллюзий

по поводу возможностей самоочищения внутрицерковной жизни, изменения и нормализации церковных отношений.

Это накапливание отходов собственной жизнедеятельности продолжится до тех пор, пока при новом положении вещей не обернется тяжелейшим церковным кризисом. Его признаки мы видим уже и сейчас. Скандалы — это лишь выбросы сероводородных газов через очередную трещину цементной брони установившихся порядков. Большинство из них причиной имеет именно порочную систему внутрицерковных отношений, которую священноначалие пытается сохранить.

Недостаток информации в обществе при недоверии к официальным источникам работает лишь бумерангом, порождая питательную среду слухов, домыслов и догадок, и создавая квазиинформационное поле. В нем действует уже своя логика, сводящая на нет медийные усилия официальных церковных спикеров, а значит, и влияние в обществе, порождая кризис доверия со всеми вытекающими последствиями.

Принятое решение и все подобные ему в предшествующее время свидетельствуют о более масштабном поражении РПЦ перед лицом современности. Тактика тотального внутреннего контроля за информацией в информационном обществе обречена на провал. Это неосуществимо и свидетельствует лишь о том, что священноначалие безнадежно осталось в предшествующей эпохе, которую она всеми силами пытается под соусом традиций воплотить в современности. Это означает отказ от диалога как с обществом, так и внутри Церкви, попытка сохранить и усилить административную власть священноначалия, ее привилегии, неподсудность, коррупцию и произвол. Это означает отказ от насущных изменений, которые необходимы для осуществления Евангельской миссии, скатывание до уровня этнографического музея. Это подмена веры и истины, которая выше патриарха с его епископами и их решений, корыстной жаждой земной власти и служением веку сему с его довлеющей злобой дня.

Церковь делают глухонемой: не слышащей криков боли отверженных и погранных и не говорящей правды. Остается уповать на то, что Христос, который «глухих делает слышащими, а немых говорящими», отверзет слух и разрешит узы языка Своей Церкви. Но сделает Он это, видимо, через тяжелые потрясения.

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ В РПЦ ОТОРВАЛАСЬ ОТ НАРОДА

Опубликовано в газете «Московский комсомолец».

Почему важно обращать внимание на процессы, происходящие в православной церкви? Церковь занимает особое, порой избыточное, но неотъемлемое место в сложившейся в последние десятилетия конструкции, призванной объединять, скреплять общество и государство в единый монолит, создавая некий суррогат идеологии и духовности. Провал этой миссии ускоряет происходящую эрозию общественно-государственных отношений.

Патриарх избирается пожизненно. И вся система церковного управления с годами заточивается под одного человека.

Первые шаги патриарха Кирилла были связаны, с одной стороны, с желанием усилить управляемость церкви, а с другой, — с укреплением своей личной власти. Этому отвечала административная реформа с дроблением епархий, которая ослабляла вес прежних епископов, ничем не обязанных новому патриарху, и формировала когорту молодых выдвиженцев, нередко взлетавших на архиерейские кафедры из простых иеромонахов, и всем патриарху обязанных.

Еще одним из средств подобного укрепления своей власти стало постоянное и кажущееся нелогичным перемещение епископов по епархиям. Чем больше срок епископства, тем больше возможностей у епископа заручиться поддержкой местных политических и финансовых элит, замкнуть финансовые потоки лично на себя, избавиться от неугодных священников и заменить их лояльными себе. Это усиливает независимость епископов, что в условиях углубляющегося кризиса может породить своеобразный региональный сепаратизм, который за внешними декларациями о единстве будет сопровождаться саботированием требований патриаршего центра.

Перемещения епископов вырывают их с корнем из подобной системы связей и не дают вращаться на новом месте, где церковные отношения сложились до них. В последние годы мы можем наблюдать парадоксальные противостояния новоприбывших епископов с местными маститыми священниками, которые в ряде случаев одерживают победу — и все заканчивается новым переводом.

Другой стороной этого процесса стало усиление церковной бюрократии, лично преданной и всецело зависимой от патриарха. Управлять при помощи нее кажется гораздо удобнее и эффективнее. Но в реальности случается то же самое, что и в светском государстве. Разрастающаяся бюрократия становится не только неповоротливым передаточным колесом между патриархом и его церковью. В какой-то момент она разрывает эту связь и,

обволакивая ватным облаком со всех сторон, начинает подчинять его собственным целям.

Начинается странная битва патриарха с этой ускользающей силой. Она выражается в бесчисленных смещениях и назначениях, призванных навести грозу на подчиненных. Но итог остается тем же. Решения, вредящие и несущие угрозу этому чиновному классу, саботируются, и ответной реакцией становятся бесконечные горы дутых отчетов о достигнутых успехах и выполненных решениях патриарха, за которыми — имитация. Бумажный патриарх, который лично сам все хочет контролировать, ослепляемый рисуемой ему информационной картинкой со стороны подчиненных, начинает тонуть в море отчетов, указов, распоряжений и циркуляров. Его железных посохов власти все чаще наносит удары мимо цели, внешне хаотично, а в реальности умело направляемый теми, кто сейчас в его фаворе и пользуется его временным доверием.

Эта вожденная цель выстраивания патриархом вертикали власти с ручным режимом управления в итоге, когда, казалось бы, эта самая полнота власти достигнута, оборачивается серьезными проблемами. В современном динамичном мире, с неожиданно возникающими вызовами необходима гибкость, амортизирующая и гасящая внешние удары. Жесткая вертикаль власти, которая, казалось бы, в трудное время должна уверенно вести церковь среди испытаний, в реальности начинает давать трещины и обваливаться.

Если все замыкается на патриархе, то и всю ответственность должен публично нести он лично. Он оказывается виноватым во всех скандалах и бедах на местах. Его молчание и промедление в решениях воспринимаются как безразличие к проблемам церкви и высокомерие по отношению к обществу. Попытка уйти в тень и переложить ответственность на нижестоящие структуры сразу же воспринимается как личная слабость патриарха, его неспособность контролировать ситуацию и разрешать проблемы. Весеннее молчание патриарха на фоне острейшей напряженности, связанной с закрытием храмов, многими было воспринято как предательство церковного народа. Желание решить проблему с мятежным иеромонахом Сергием Романовым силами екатеринбургской епархии опять же воспринимается как слабость патриархии.

Эта негибкость церковной власти, ее оторванность от церковного народа, порождающая отчуждение и недоверие последнего, в конце концов будет вести к ее ослаблению и кризису. Патриарх все более воспринимается не как духовный вождь и отец всех верующих, что входит в парадигму православного сознания, а как жесткий администратор, злоупотребляющий своей властью и не решающий действительно насущных проблем.

Другая сложность будущего православной церкви связана со своеобразными церковно-государственными отношениями. Попытка заполнить идеологическую нишу, быть дежурными в стране по нравственности и традиционным ценностям оказалась во многом бесплодной.

Ситуация с карантинными мерами в стране лишний раз показала, что государство не воспринимает отношения с православной церковью как равные. К тому же их слабая реализация на приходах показала, как плохо слушаются своего главу на местах. А уж обличительные проповеди игумена Сергия Романова в адрес президента и патриарха, спровоцированные этой ситуацией, и вовсе показали неконтролируемость ситуации.

В трудную минуту светская власть легко жертвует церковными интересами ради своих. А чем более негативное отношение к власти появляется у граждан, тем сильнее оно проецируется и на церковь, которая мыслится на стороне ее, а не простого народа.

Роль и значение РПЦ сегодня значительно преувеличены. Это произошло во многом из-за желания государства сделать ее своей опорой.

Финансирование, доступ ко всем информационным ресурсам с одновременным подавлением иных конфессий создали представление о каком-то огромном влиянии православных в стране. В действительности реальное количество «практикующих» православных — всего несколько процентов, которые воспринимаются как навязывающие волю остальному большинству. Достаточно зайти на православную службу, чтобы увидеть современное лицо русского православия — лицо пожилой и часто бедной женщины. Нет сильных общин, которые были бы фундаментом церковной независимости.

Поэтому в будущем с уменьшением поддержки со стороны государства будут падать и возможности православной церкви поддерживать подобный имидж великолепия и значимости. Неизбежно будет эффект сжатия, когда православная церковь займет свое скромное место в обществе по своему весу. Влиять на это будет и продолжающееся падение общественного доверия, отказ видеть в церкви серьезный духовно-нравственный авторитет.

Это в свою очередь сильно изменит религиозный и светский ландшафт общества, в котором остается высоким запрос на систему ценностей и идей, позволяющих человеку идентифицировать себя с национальной общностью и создать картину будущего. Пока что ощущается разочарование от неосуществленности под эгидой церкви смутно понимаемого «духовного возрождения», бывшего одной из главных идей постсоветского периода. Эта идея в качестве вдохновляющего источника национальной консолидации выдохлась, а на смену ей не пришла новая, что создает впечатление

растерянности и разобщенности. И что-то иное должно заполнить этот вакуум.

Если же смотреть более масштабно, то можно сказать, что православная церковь в России на современном этапе переживает болезненный и длительный кризис традиционализма. Попытка духовного возрождения на имитируемых традициях дореволюционной России скрестилась с желанием огромного количества верующих родом из Советского Союза найти тихую гавань привычной стабильности, где были бы старые советские образцы поведения. Сегодня это ведет как к нарастающим конфликтам с меняющимся светским обществом, не желающим церковной опеки и вмешательства, так и внутри церкви, в которой наблюдается выдавливание священнослужителей и мирян, условно характеризуемых либералами и модернистами. Наиболее яркий представитель «либерального» православия с человеческим лицом протоиерей о. Андрей Кураев, много лет бывший своеобразным посредником, ныне отправлен в запрет. Это разрушает мосты диалога с обществом.

Стремление к закрытости как реакция на страх перед будущими переменами, в которых православной церкви в ее нынешнем виде почти не остается места — крайне плохая стратегия, ведущая к скатыванию на обочину общественной жизни. Достаточных сил и воли на обновление внутрицерковной жизни и придания ей нового импульса, которая по факту скорее начинает угасать, нет.

Кадровые перестановки последнего времени напоминают попытку со стороны патриарха укрепить распадающуюся вертикаль власти и подготовиться к более серьезным испытаниям, в которые православная церковь входит, обремененная массой внутренних проблем и противоречий, грозящих разрушить внешнее хрупкое единство и лишить ее особого положения в обществе и государстве.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ ЦЕРКВИ

Все больше оставляющих сан священников. Православные благомыслы в этом случае всегда переходят на личность: зашатался, не понес, вышел от нас, но не был наш, попал в сеть мирских соблазнов. Остались только герои веры да исполины духа. Все дело лишь в оступившемся и павшем священнике-недотеке, а не в церкви, в которой все, как надо. Сами верующие не готовы об этом говорить и смотреть на ситуацию глазами уходящих или просто со стороны.

Представьте, что к вам ежегодно приходит добродушный Дедушка Мороз, который дарит вам подарки, обещает исполнить ваши желания, подбадривает. И вот однажды он приходит без всего, садится на стул и начинает снимать свою бороду и малиновую шубу. И вы видите печального мужичка, который вам говорит: «Меня Николаем Петровичем зовут, мне плохо, поговорите со мной. Я так устал. Знали бы вы, как все на самом деле в нашей дедоморозовской корпорации». А вы понимаете, что вам все это не нужно никаким боком, вы не хотите общаться с каким-то Николаем Петровичем да еще о его проблемах. Вам нужен волшебный старик, дарящий вам счастье.

Священник не Дед Мороз, но большинство к нему относится именно так. Сам человек вне его социальных ролей ни в церкви, ни в государстве не является сегодня ценностью, как бы он этого ни хотел. «Незаменимых людей у нас нет!» — сколько раз я это слышал! Это либо функция, либо средство. Но это не только противоречит Евангелию, с подобным отношением ничего стоящего невозможно построить и развить. Все превращается в имитацию и театральные декорации.

Важнее, мне кажется, ответить не столько на вопрос «почему уходят миряне и священники» (тут можно без проблем составить длинный список), а подумать над тем, признаком чего это является?

Досадные частности, если их анализировать и складывать в одну картину, отражают куда более фундаментальную проблему. Наши предки в X веке вошли в уже сложившуюся церковь традиционного общества. Был лишь опыт сохранения всего без перебора. Церковь в средние века была соразмерна самому средневековому обществу, отражая его отношения, структуру и образ мышления.

Но теперь общество изменилось, плохо это или хорошо, но оно невозвратно стало другим, и с этим фактом что-то надо делать. Утопичная попытка РПЦ последних 30 лет вернуть это общество обратно на путь традиций и всяческих скреп вместо подлинной евангелизации, научения современных людей жизни по Христовым заповедям, провалилась. Выросшие внутри советской системы и пришедшие в Церковь в девяностых годах прошлого века люди несли в себе очень много черт, роднящих их со средневековой Церковью: социальная пассивность и привычка к авторитарному управлению, отсутствие выбора, ничтожность личности и ее прав перед коллективом и властью, склонность следовать шаблонам поведения,

некритичность мышления и легковёрность, и т. д. И это породило какую-то наивную эйфорию возрождения.

С годами и сами эти люди менялись, и на смену им уже начали приходить другие поколения, которые все же чуть больше ценят личное достоинство, уважение, самостоятельность и индивидуальность, более критичны. С этим тоже надо было что-то делать, договариваться, выстраивать новый тип отношений. Но эти собраты по вере оказались заклеены как церковные либералы, обновленцы-модернисты и экуменисты.

Произошел классический кризис традиционализма, когда, не справившись с новым, не встроившись в него, священноначалие взяло курс на самоизоляцию и укрепление всех средневековых подпорок. Это оказалось выгодным как и для него самого, так и для основной массы верующих, от которых многого и не спрашивается. В конце концов, потакание потребительскому отношению, суевериям и магическому мышлению всегда хорошо монетизировалось. А культивируемая психология осажденной крепости, за стенами и внутри которой враги, весьма знакома тем, кто родом из СССР. И это обыкновенная манипуляция при помощи страха.

Для священноначалия, привыкшего к архаичным формам властвования с опорой на пассивный, безгласный и безликий церковный народ, отсеченный от управления, с фетишем тотальной покорности, с полнейшей непрозрачностью и безотчетностью церковных финансов, с зачастую низким уровнем своего образования и посредственными талантами администраторов и переговорщиков, с ненаблюдаемыми духовными способностями, в современных условиях гражданского общества просто не остается никакого места. Цыганским табором кочующие епископы по телу церкви после себя зачастую оставляют как итог собственного самодурства страшные пепелища с десятками изгнанных священников и мирян, разоренных приходов, загубленных церковных проектов. Желая с одной стороны пользоваться всеми благами современного мира наравне со светскими начальниками и при этом — сохранить весь контроль над церковной жизнью, они стараются законсервировать свою опору в виде темной массы верующих с архаичным магическим сознанием, даже не подозревающих о существовании Устава прихода, не говоря уж о других документах РПЦ. Для этого те, кто побуждает думать, задавать вопросы, отстаивать подлинные нормы христианской жизни, критически воспринимать ответы, прямо и честно говорить о бедах церковной жизни, будут неизбежно преследоваться и изгоняться как прямая угроза их власти.

Вся эта внешне комичная, а в действительности страшная и трагичная история с Сергием Романовым и его последователями — отражение этого процесса. Не сегодня, не за день формировалось подобное мировоззрение, свойственное в РПЦ огромному количеству верующих. Эти романовы как грибы появляются уже не один год именно в церковной ограде, находя для себя всегда и питательную почву, и массу последователей. Средневековые подпорки оказались ненадежными, породив куда большие проблемы, чем страшный призрак модернизма и обмирщения.

Выстроенная система церковных отношений, феодальная по своей средневековой природе, и помещенная в «капиталистические» условия с культом прибыли, дала уродливый гибрид и стала носить паразитарный характер. Высшая церковная иерархия, огородившись стеной канонов, заручившись поддержкой светской власти, неподконтрольная, ничем и никем не ограниченная, действует не в общецерковных интересах, не следуя велению Христа, определившего предназначение и смысл бытия Церкви, а используя Ее как средство в своих узкокорыстных человеческих желаниях для удовлетворения похоти власти и жажды наживы. С легкостью подкладывая Ее как девку под государство и превращая веру в часть его идеологии. Как писал о. Павел Адельгейм, «вера живет Богом и стремится к идеалам. В идеологии господствуют идолы и скучные чиновничьи интересы: сиюминутная корысть и безразличие к нуждам и судьбе народа».

И вся эта налаженная и тщательно оберегаемая от посягательств система неизбежно ведет к деградации и краху. В ней целый пласт священников и мирян оказались просто лишними и ненужными людьми с их миссионерством и апологетикой, просвещением и трезвым восприятием церковной истории и современности. Ярчайший пример — загнанный и выброшенный на обочину церковной жизни о. Павел Адельгейм, чья кровь до сего дня вопиет о том, что он говорил и писал при земной жизни: «В Российской Федерации гражданин стал лишним, а в РПЦ лишним стал человек».

Такие люди, внешне неудобные, жизненно необходимы Церкви. Потому что они зачастую единственные, кто может сказать, что так нельзя, что это ведет к катастрофе. Кому духовный опыт, образование и природные способности дают возможность увидеть дальше по курсу и начать говорить об ошибках кормчих.

Финансовая обескровленность приходской жизни все больше сочетается с вымыванием человеческого капитала: уходят далеко не худшие

священники и миряне, а на их место не приходят хотя бы равные им. Происходит все та же искусственная селекция по советскому принципу.

Когда у вас образованные священники с многолетним служением и добрым именем уходят или изгоняются, когда у вас один за другим закрываются церковные проекты, когда недобор в семинариях, хроническая кадровая чехарда, отпадающие в раскол мятежные иеромонахи с тысячами последователей, обрушение общественного доверия на фоне непрекращающихся скандалов, изоляция от мирового православия и нарастающие финансовые трудности — знайте: вы находитесь во всестороннем системном кризисе. Задуматься над этим многие верующие не хотят или не могут. Более того, рассеивающийся розовый туман все сильнее обнажает ближайшее будущее с такими вещами, в которые невозможно и поверить.

В реальной жизни человек растет и меняется, ему нужна свобода, возможность уйти и вернуться. Быть блудным сыном, который все-таки хочет верить, что у него есть семья. И вот когда он собирается уходить и делает первый шаг, он вдруг с ужасом видит, что от него отрекаются те, кого он считал отцом и братьями, кто не зовет и не ждет его обратно. Что это была не семья, а ролевая игра в нее. И отец оказывается немилосердным прокурором, а братья — судьями, для которых он иуда и выродок. Что для того, чтобы вернуться обратно, ему нужно униженно приползти на коленях. Никто не побежит навстречу, а будут высокомерно стоять и ждать, безглаголю смотра сверху вниз. С этим надо будет жить дальше, зная, что розовая сказка навсегда закончилась и ничто уже не вернется вспять. И эту горечь ощущения растоптанных надежд и идеалов не зальет уже никакая сладкая патока церковных проповедей о любви.